

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На правах рукописи

Русаков Александр Юрьевич

**Интерференция и переключение кодов
(севернорусский диалект цыганского языка в
контактологической перспективе)**

Специальность 10.02.20 –
сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация в виде научного доклада
на соискание ученой степени доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2004

Работа выполнена в отделе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики Института лингвистических исследований РАН

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук Т.В.Михайлова (Цивьян)

Доктор филологических наук Я.В.Васильков

Доктор филологических наук В.Ф.Выдрин

Ведущая организация: Институт языкознания РАН

Защита состоится 29 июня 2004 г.

на заседании Диссертационного совета Д 002.055.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте лингвистических исследований РАН по адресу 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

С докладом можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Доклад разослан 28 мая 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

И.В.Недялков

Введение

В центре настоящего доклада лежит теоретическая проблема взаимоотношения интерференции и переключения кодов как контактнообусловленных явлений. Проблема эта стала объектом научного исследования сравнительно недавно (см. Myers-Scotton 1998, Muysken 2000 и др.). Материалом для исследования являются прежде всего контактнообусловленные явления в севернорусском диалекте цыганского языка (далее – СРД), здесь предлагаемая работа базируется на собственных полевых материалах автора¹. Кроме того, привлекаются материалы других цыганских диалектов, а также языков балканского ареала. По мере возможности используется доступный типологический материал.

Помимо основной теоретической проблемы, вынесенной в заглавие, рассматриваются и другие вопросы и проблемы. Из них стоит упомянуть следующие:

- проблему места контактнообусловленных явлений среди языковых изменений и – шире – среди фактов функционирования языка вообще;
- вопрос о том, какие языковые единицы являются существенными при контактнообусловленных языковых изменениях и каков их статус;
- вопрос о том, что меняется в языке при языковых контактах и что остается неизменным;
- вопрос о том, какой свет могут пролить данные языка, испытавшего контактное влияние, на «устройство» языка, это влияние оказавшего;

¹ Это материалы, собранные в 1984 г. совместно с Ф.А.Елоевой и Е.В.Перехвальской в Вырице (Лен. область, тексты и синтаксическая анкета, частично опубликованы в: Елоева, Русаков 1990), а также материалы, собранные совместно с О.А.Абраменко в 1996 г. в Михайловке (Ленинградская область, бытовые и фольклорные тексты и небольшая синтаксическая анкета). В работе используются также материалы по СРД, собранные О.А.Абраменко в 1997-2003 годах, за предоставление которых я приношу ей искреннюю благодарность.

Кроме решения теоретических проблем, в работе делается попытка применить выводы, полученные при анализе конкретного полевого материала, к исследованию некоторых исторических проблем. С этой целью в доклад включены краткие *экскурсы*, посвященные некоторым проблемам балканистики (цыганский язык формировался на Балканах) и вопросам, связанным с возникновением смешанных языков.

Как представляется, объединение теоретических проблем и конкретных задач научного исследования определяет *актуальность* и *новизну* работы.

Теоретическая значимость работы заключается в попытке представить целостную концепцию контактноиндуцированных изменений на разных языковых уровнях, включить эту концепцию в общую проблематику диахронического языкознания.

Практическая значимость результатов проведенного исследования состоит в возможности их применения при изучении нового языкового материала, как полевыми методами, так и методами, выработанными историческим языкознанием.

Апробация работы. Результаты исследования излагались на следующих международных и отечественных конференциях: Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород, 1984); III Всесоюзная школа молодых востоковедов (Москва, 1984; Деривация и история языка (Пермь, 1985); II Международный симпозиум по армянскому языкознанию (Ереван, 1987); The First International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Budapest, 1993); Society for Pidgin and Creole Linguistics. Amsterdam Conference (Amsterdam, 1993); Education of Gypsies. Development of Teaching Material (Athens, 1995); The XIII International Conference on Historical Linguistics (Duesseldorf, 1997); The IV International Conference on Romani Linguistics (Manchester 1998); 27 межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов СПбГУ (1998); The VIII International Congress for the Study of Child Language (San Sebastian, 1999); 8-й международный конгресс по изучению Юго-Восточной Европы (Бухарест, 1999); 28 межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и студентов СПбГУ (1999); 9th International Morphology Meeting (Wien 2000); The V International Conference on Romani Linguistics (Sofia, 2000); 35. Linguistisches Kolloquium (Innsbruck, 2000); Петербургское лингвистическое общество. Вторые научные чтения (СПб., 2000); Parts of speech in and across languages (Helsinki, 2000); Linguistic perspectives of Endangered Languages (Helsinki 2001); 23. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft (Leipzig 2001); Чтения, посвященные 110-летию со дня

рождения акад. В.М.Жирмунского (СПб., 2001); The conference on Balkan Sprachbund features (Leiden 2001); Чтения памяти В.Цимоховского (Торунь 2002); The VI-th International Conference on Romani Linguistics (Graz, 2000); Балканские чтения – VI (Москва 2003); 14th Biennial Conference on Balkan and South Slavic Linguistics, Literature and Folklore (Oxford, Mississippi, 2004); Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений» (Казань, 2004).

Основные положения доклада отражены в следующих публикациях автора:

Монография:

1. Проблемы языковой интерференции (Цыганские диалекты Европы). Л.: ЛГУ, 1990 (2-я часть в соавторстве с Ф.А.Елоевой), 95 с.

Статьи и разделы в коллективных монографиях:

2. Пути языковой интерференции (цыганские диалекты в Европе) // Лингвистические исследования 1984, М.: ИЯ АН СССР, 1984, с.156-164 (в соавторстве с Е.В.Перехвальской).
3. Албанский и армянский: некоторые проблемы // Международный симпозиум по армянскому языкознанию. Ереван, 1984, с.171-185/
4. Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. I // Лингвистические исследования 1985, М.: ИЯ АН СССР, 1985, с.89-95 (в соавторстве с Ф.А.Елоевой).
5. Деривация в условиях языковых контактов // Деривация и история языка. Пермь, 1985, с.173-175.
6. Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. II // Лингвистические исследования 1986. М.: ИЯ АН СССР, 1986, с.80-84 (в соавторстве с Ф.А.Елоевой).
7. К вопросу о "переходе" на чужую грамматику // Возникновение и функционирование контактных языков. М.: «Наука», 1987, с. 76-80.
8. Фонетическая адаптация латинской лексики в албанском языке // Romano-Balcanica. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале. Л.: «Наука», 1987, с.127-144.
9. Об одном случае выражения значения совместного действия в севернорусском диалекте цыганского языка // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч.1, Л.: ИЯ АН СССР, 1990, с.40-44.
10. Императив в севернорусском диалекте цыганского языка // Типология императивных конструкций. СПб.: «Наука», 1992, с.152-160.
11. On the mixed language origine // Bakker, P. & Cortiade, M. (eds). In the margin of Romani. Gypsy languages in contact. Amsterdam: Institute for General Linguistics. 1991.

12. К проблеме так называемых "маленьких слов" в албанском языке: семантический и коммуникативный аспекты // Семантика и коммуникация. СПб.: СПбГУ, 1996 (в соавторстве с И.И.Вороной и Е.В.Есиной), с.211-218.
13. Албанское арго dogancja: лингвистическая характеристика // СПбГУ. Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 3. Балканские чтения. СПб., 1997 (в соавторстве с И.И.Вороной), с.3-6.
14. Участие в авторском коллективе: Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997, 138 с.
15. К вопросу о классификации цыганских диалектов Европы // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы второго рабочего совещания. СПб.: ИЛИ РАН, 1998, с.49-58.
16. Севернорусский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998, с.162-191.
17. Цыганские диалекты в Албании. 1. Исторические сведения. Основные группы // Материалы XXVII межвузовской научно- методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 11 Балканские исследования. СПб., 1998, с.52-57.
18. North Russian Romani Dialect: Interference in Case System // Grazer Linguistische Studien. В.50., 1999 (with O.Abramenko, p.109-133).
19. Севернорусский диалект цыганского языка: заимствование» русских префиксов // Материалы XXVIII межвузовской научно- методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Балканские исследования. СПб., 2000, с.16-25.
20. The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching. // O.Dahl & M.Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages. v.1, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001, p.313-337.
21. Code Switching Phenomena in Roma Children's Narratives // B.Igla & Th.Stolz (eds.). "Was ich noch agen wollte..." A multilingual Festschrift for Norbert Boretzky on occasion of his 65th birthday. Berlin: Akademie Verlag, 2001, p.431-438.
22. Imperative in North Russian Romani dialect // The Typology of Imperative constructions. Lincom Europa, 2001, p.287-299.
23. В.М.Жирмунский, грамматикализация, балканистика // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В.М.Жирмунского, СПб.: «Наука», 2001, с.184-188.
24. О межъязыковом отождествлении грамматических категорий // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. СПб.: «Наука», 2003, с.129-134.

Тезисы:

26. Диалекты в условиях интерференции // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород, 1984). М., 1984 (в соавторстве с Е.В.Перехвальской).
27. Социолингвистические ситуации при языковой интерференции // III Всесоюзная школа молодых востоковедов. М., 1984 (в соавторстве с Е.В.Перехвальской).
28. Лингвистические ареалы и внешние контакты // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985 (в соавторстве с Е.В.Перехвальской), с.136-137.
30. Языковые контакты и глоттохронология // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси, 1986, с.114-116 (в соавторстве с Е.В.Перехвальской).
31. Является ли диалект армянских цыган боша диалектом армянского языка? // II Международный симпозиум по армянскому языкознанию. Ереван, 1987, с.139-140.
32. Императив в севернорусском диалекте цыганского языка // Императив в разноструктурных языках. Л., 1988, с.11-13.
33. Билингвизм, диглоссия и цыганские диалекты // Билингвизм и диглоссия. М., 1989, с. 44-46.
34. Русский язык в языковых контактах: некоторые закономерности грамматической интерференции и образования контактных языков // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений. Л., 1991 (в соавторстве с Е.В.Головко, с.35-37.
35. Code-switching and code-mixing phenomena in Gypsy dialects // The First International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Abstracts of Scholarly Papers. Budapest, 1993.
36. To the problem of mixed language origin // Society for Pidgin and Creole Linguistics. Amsterdam Conference. Amsterdam, 1993.
37. Новогреческий компонент в албанском арго странствующих ремесленников // Балканские чтения – 4. Ellas. Древняя – Средняя – Новая Греция . М., 1997, с.94-96 (в соавторстве с И.И.Ворониной).
38. The education of Russian Gypsies: The problem of dialects // Education of Gypsies. Development of Teaching Material. Athens, 1997, p.260-262.
39. Is Romani a real Balkan Language? // The XIII International Conference on Historical Linguistics. Programm and additional abstracts. Düsseldorf, 1997.
40. Об одном случае русско-цыганского интерференционного воздействия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – III. СПб: «Наука», 1999, с. 72-74.

41. Code-switching phenomena in Gypsy children narratives //VIIIth International Congress for the Study of Child Language. San Sebastian, 1999, p.184-185.
42. Matrix Language Frame Theory К.Майерс-Скоттон и экстремальные случаи языковых контактов: последствия для общелингвистической теории // Петербургское лингвистическое общество. Вторые научные чтения. Тезисы докладов. СПб., 2000, с.24-25.
43. Russian case system: language acquisition and language contacts // 9th International Morphology Meeting. Wien 2000, p.136-137 (совместно с М.В.Русаковой).
44. North Russian Romani dialect: On interference phenomena in syntax // The V-th International Conference on Romani Linguistics. Sofia, 2000, p.18
45. Diachronic processes from the cognitive point of view: the case of Albanian articles // 35. Linguistisches Kolloquium. Innsbruck. Abstraktband. 2000, p.46
46. On metalinguistic awareness of a dialect speaker // 35. Linguistisches Kolloquium. Innsbruck. Abstraktband. 2000, p.4 (совместно с С.С.Саем)
48. Посессивные конструкции в балканском ареале: вершинное или зависимостное маркирование // Актуальные вопросы балканского языкознания. Международная научная конференция. С.-Петербург, 29-30 мая 2001 г. Тезисы докладов. СПб.: «Наука2, 2001, с.22-23 (совместно с С.С.Саем).
49. Code Switching Phenomena and their Consequences for the development of the Romani Dialects // Sprache und Cognition. 23. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. Leipzig, 2001. S.127-128.
50. Посессивные конструкции албанского языка в типологическом освещении // Третья зимняя типологическая школа, 29 января – 6 февраля 2002 г. Материалы лекций и семинаров. М., 2002, с.233-234.
51. Албанский язык в ареально-типологической перспективе // International Symposium “The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations. Proceedings. Kazan, 2004, pp.205-208.

Рецензии:

52. Рецензия на книгу: Ya. Matras (ed.). 1995. Romani in contact. John Benjamins // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы третьего рабочего совещания. СПб., 1999. с.108-116.
53. Рецензия на книгу: Yaron Matras, Peter Bakker and Hristo Kyuchukov (eds.). 1997. The typology and Dialectology of Romani (Current Issues in Linguistic Theory, 156). Amsterdam: Benjamins // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы четвертого рабочего совещания. СПб., 2000. с.144-161.

54. Рецензия на книгу: Tsitsipis, Lukas D. (1998) A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift: Arvanitika (Albanian) and Greek in Contact, Oxford University Press // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы пятого рабочего совещания. СПб., 2003, с.135-144.
55. Рецензия на книгу: Myers-Scotton C. (2002). Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford University Press // [http:// www.linguistlist.org](http://www.linguistlist.org). 2003.

0. Некоторые предварительные теоретические положения

0.1. О принципиальном сходстве билингвальной и монолингвальной речевой деятельности

Процессы, происходящие при языковых контактах, принципиально не отличаются от процессов, имеющих место при функционировании языка вообще. Это точка зрения, долгое время существовавшая как бы имплицитно, в последнее время высказывается все более и более определенно. Она подтверждается материалом из разных сфер функционирования языка. Так, специалисты по нейролингвистике склоняются к выводу о том, что в плане полушарной доминанции не существует принципиальной разницы между организацией монолингвальной и билингвальной языковой компетенции, а в рамках последней между первым (родным) и остальными языками. Ведущим в обоих случаях является левое полушарие (см. Paradis 1996: 60). Принципиально одинаковыми являются, по всей видимости, и нейронные механизмы, поддерживающие речевую деятельность билингва на разных языках. Исследования по усвоению второго языка (Second Language Acquisition) показывают, что по крайней мере часть отклонений от нормы при подобном усвоении обязана своим появлением не влиянию родного языка, а *универсальным* особенностям усвоения языка вообще, тем самым утверждается тождественность процессов усвоения первого и второго языков. Что касается языковой интерференции, то один из двух основных интерференционных процессов, эксплицитно выделенных еще Вайнрайхом, – межъязыковое отождествление *элементов* двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка – представляет собой аналогический

процесс, существенно не отличающийся от процессов, действующих при "монолингвальном" языковом изменении (см. Croft 2000: 145-156). Заимствование в узком смысле (то есть, перенос из одного языка в другой "субстанциональных элементов" – морфем, слов, идиом; Bybee et al. 1994: 1; Croft 2001b: 7) как будто бы является специфически контактным механизмом, однако, если рассматривать его последовательно "антропоцентрически", также не отличается принципиально от усвоения носителем языка любого языкового элемента, неизвестного ему (или не использовавшегося им) ранее, то есть выходит за пределы билингвальной проблематики, по крайней мере, в узком смысле слова.² Представление о том, что билингвальное речеобразование при переключении кодов принципиально не отличается от монолингвального, является одним из базовых моментов теории Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993b, 2002, см. также Muysken 2000). Все это хорошо согласуется с социолингвистическими наблюдениями, согласно которым, дву- или многоязычие является в масштабе земного шара отнюдь не исключением, а скорее обычным состоянием.

Именно в связи с этим подход, использующий при исследовании билингвальных феноменов представления, полученные при изучении самых разных аспектов монолингвального функционирования языка, является в данной работе основным.

² В своем известном труде по историческому синтаксису А.Харрис и Л.Кэмпбелл предлагают считать заимствование ("borrowing", понимаемое здесь в широком смысле как синоним термина интерференционное явление) особым механизмом синтаксического изменения наряду с синтаксическим переосмыслением (далее - «реанализ», ср. reanalysis) и аналогическими изменениями (extension) (см. Harris & Campbell 1995: 150). При этом любопытным образом их главным аргументом является то, что многие типы синтаксических изменений, характерные для внутреннего развития языка (прежде всего, различные типы реанализа) **не** встречаются при языковом контакте. Не рассматривая сейчас этот тезис по существу (действительно, синтаксическое интерференционное воздействие имеет достаточно часто поверхностный характер, см. подробнее 1.3.6.), заметим некоторую методическую зыбкость этого аргумента. Важно, что те типы синтаксических изменений, которые мы можем наблюдать при явных контактных ситуациях, по сути дела не отличаются от определенных типов внутренне обусловленных изменений. В последнее время эту точку зрения весьма эксплицитно высказывает известный балканист Брайан Джозеф (см. Joseph 2000b).

0.2. Об отличительных особенностях функционирования языка в билингвальной ситуации

Принципиальное сходство процессов функционирования языка в монолингвальной и билингвальной ситуациях не означает, конечно, что билингвальное использование языка не имеет своих отличительных особенностей (как их имеют и другие ситуации языкового использования, например, письменная форма речи и т.п.). Тут значительный и отнюдь не только терминологический интерес имеет вопрос о "границах билингвизма", об отличии вариативности внутри одного кода от использования индивидом двух (нескольких) разных кодов. Нарастание антропоцентрического подхода в языкознании, начавшееся в 60-е годы, привело к пониманию того, что представление о диалектах (социальных практически всегда и территориальных – достаточно часто) как о системах *per se* является не вполне реалистическим, по крайней мере, если говорить о реальном функционировании этих регистров. Это было хорошо показано прежде всего в работах школы В.Лабова (Лабов 1975 и др.). Модель Лабова использует понятие языковой переменной, то есть величины, характеризующей вероятность появления того или иного варианта в речи носителя языка; такая величина в большой степени зависит от ситуации, а также от социальной характеристики говорящего. Речь идет, таким образом, скорее об одном коде, характеризующемся внутренней вариативностью. Такая модель может представлять собой, как кажется, более или менее адекватное описание ситуации сосуществования в языковой компетенции индивида разных регистров одного и того же языка (в социолингвистическом понимании этого слова)³.

Вместе с тем, нет никаких оснований сомневаться и в адекватности модели, постулирующей возможность наличия в языковой компетенции носителя языка двух или более кодов и механизма перехода с одного кода на другой при порождении речи.

³ Это не означает, разумеется, что индивид не может использовать в определенных ситуациях регистры *одного и того же* языка именно как разные коды (или что таковым образом они не могут использоваться во всех ситуациях определенным индивидом или определенным сообществом). См. в этой связи достаточно обширную литературу о языковой альтернации (language alternation) в социолингвистическом и дискурсно ориентированном плане.

Такая модель как будто бы реалистически описывает ситуацию владения индивидом двумя или более языками⁴. Однако провести четкую границу между этими двумя ситуациями достаточно трудно и даже неясно, существует ли подобная граница или мы имеем дело со своего рода континуумом. Разграничение этих двух типов билингвальных (или бидиалектных) ситуаций является, по-видимому, немаловажным для решения вопроса о различии *gesp.* внутреннем единстве явлений переключения и смешения кодов, а также для проблематики смешения кодов *gesp.* смешанного кода (см. Muysken 2000). Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в пункте 2.2.5. работы.⁵

0.3. О соотношении внутриязыкового, типологического и ареального в языковых изменениях

Перед исследователем, изучающим конкретное языковое изменение, постоянно возникает альтернатива внутриязыкового или контактного объяснения⁶. Проблему эту принято рассматривать в рамках круга вопросов причинности языковых изменений. Однако,

⁴ Мы не будем вдаваться здесь в имеющую очень долгую традицию дискуссии о том, что является двумя разными языками, а что нет. В социолингвистическом плане под языком мы будем понимать совокупность диалектов, носители которых используют какую-то общую наддиалектную форму (родственную этим диалектам), в лингвистическом плане, совокупность генетически родственных языковых форм, интуитивно ощущающуюся как большинством носителей каждой из них, так и лингвистами в качестве некоего единства (из последних работ, в которых рассматривается зыбкость границы между понятиями язык-диалект "с точки зрения" носителя языка, см. Muysken 2000).

⁵ Весьма перспективным является в этой связи и выдвинутое Ф.Грожаном разграничение монологического и билингвального "режимов" (monolingual and bilingual mode) речевого поведения билингва. При первом режиме речевого поведения активизируется лишь один язык, при втором – оба (все) (Grosjean 1995). Идеи Грожана активно используются в последнее время в работах по переключению/смешению кодов. Однако, как это часто бывает в лингвистике, достаточно трудно перекинуть мостик от положений, выдвинутых в результате экспериментальных психо- и нейролингвистических исследований, к анализу конкретного языкового материала.

⁶ Разумеется, здесь не идет речь о безусловных случаях лексических заимствований, источник которых, часто, хотя тоже далеко не всегда, бывает ясен.

собственно говоря, как в случае "внутриязыкового" изменения, то обстоятельство, что элемент *a* изменился, по всей видимости, под влиянием элемента *b*, не говорит нам еще ничего о *причине* этого изменения, так и тот факт, что элемент *a* изменился под влиянием элемента *b* другого языка, не указывает нам на контакты как на причину изменения; скорее, мы можем говорить в последнем случае о специфическом контактноиндуцированном механизме изменения или о внешней его мотивации. Вопросы причинности языковых изменений в строгом смысле слова я в данной работе касаться не буду.

В любом случае вышеупомянутая альтернатива представляет собой исследовательскую реальность. При ее решении я буду руководствоваться следующими, впрочем, достаточно известными соображениями.

а) Для принятия "контактноиндуцированного" решения желательно располагать историческими подтверждениями самого наличия ситуации контакта и более или менее верифицируемыми соображениями о том, какой язык в ситуации контакта был доминирующим. Здесь я опираюсь прежде всего на классическую работу Thomason & Kaufman 1988. В ней авторы выделили две основные социолингвистические контактные ситуации (language maintenance and language shift) и показали, что несмотря на то, что базовые интерференционные механизмы не зависят от типа ситуации, последний влияет на особенности реализации этих процессов – прежде всего, на то, проявляется ли интерференция преимущественно на лексическом или на фонетико-грамматических уровнях. Важными представляются также положения, выдвинутые в (van Coetsem 1988); здесь автор приходит к отчасти сходным выводам, но ставит во главу угла критерий языковой доминанции (понимаемый в психолингвистическом смысле, см. также Smits 1997). Представляется, что мнения, выраженные в этих двух монографиях, удачно дополняют друг друга (см. совмещение обоих подходов под социолингвистическим углом зрения см. Croft 2001b). Заметим лишь, что необходимость реконструкции правдоподобной социолингвистической контактной ситуации приводит к тому, что, чем более отдалено от нас во времени изменение, контактноиндуцированную или эндогенную природу которого нам предстоит определить, тем более проблематичным становится подобное определение. Это достаточно четко видно при переходе от рассмотрения интерференционных явлений в современных цыганских

диалектах к проблеме возникновения явлений, объединяющих языки, традиционно относимые к балканскому языковому союзу⁷.

б) Рассмотренные в предыдущих параграфах положения о сходстве внешне и внутренне мотивированных языковых изменений приводят к заключению о приоритете социолингвистических обстоятельств при решении вопроса о том, повлиял ли в каждом конкретном случае один язык на другой. Однако и собственно языковые моменты, разумеется, должны приниматься во внимание. Обычно при этом используется информация двух типов.

Во-первых, учитывается информация о генетической принадлежности языка, в котором произошло проблематичное изменение. Считается, что если направление изменения в данном языке принципиально расходится с тем, что мы имеем в языках ему близкородственных, то мотивацию данного изменения мы можем (или должны – в зависимости от позиции исследователя) искать в языковых контактах (примеры подобного подхода см. в Lass 1997). Строго говоря, факт генетического родства языков еще ничего не говорит нам об их типологической близости. На практике, однако, подобное отклоняющееся развитие при наличии конкретных исторических аргументов, указывающих на существование контактной ситуации, является дополнительным доводом в пользу внешней мотивации языкового изменения.

Во-вторых, используется собственно типологическая информация. Исходным пунктом тут является представление о неслучайной, мотивированной, сочетаемости типологически существенных признаков языка. Как правило, подобная мотивация в конечном итоге сводится к удобству речепроизводства и речевосприятия. Наиболее тщательно данные представления разработаны на материале универсалий, относящихся к порядку слов (см. об этом прежде всего Hawkins 1990, 1994, а также Dryer 1992 и др., Harris & Campbell 1995, критическую оценку данного подхода см. в Aristar 1991). При таком подходе противоречащие "естественному" (и как правило кросс-лингвистически редкие) сочетания типологических черт нуждаются в объяснении. Одно из таких объяснений заключается в попытках найти источники контактного

⁷ При отсутствии исторических данных о возможной социолингвистической контактной ситуации исследователю приходится довольствоваться чисто ареальной, то есть, собственно говоря, историко-географической информацией, что, конечно, понижает уровень надежности построения.

развития (см. пример подобного объяснения в Harris & Campbell & 1995: 137-141). Однако и тут для принятия такого решения, помимо самой констатации типологически необычной констелляции признаков, необходимо указание на реальность ситуации языковых контактов.

В целом надо заметить, что большинство современных исследователей, рассматривающих в теоретическом плане альтернативу контактноиндуцированного vs внутреннего объяснения языкового изменения, имплицитно исходят из необходимости применения при подобных решениях своего рода лингвистического здравого смысла. Это остается весьма актуальным и при рассмотрении конкретных балканистических проблем.

0.4 Об общих теоретических представлениях, на которых базируется данная работа

В плане исследования интерференционных явлений для данной работы в теоретическом плане была существенна «магистральная» линия изучения контактноиндуцированных языковых изменений, основными вехами которой являются классические работы Weinreich 1953 и Thomason & Kaufman 1988. При исследовании грамматических параметров переключения кодов была сделана попытка в какой-то степени совместить во многом разнонаправленные концепции, нашедшие наиболее полное выражение в Muysken 2000 и Meyers-Scotton 2002.

Для трактовки грамматических изменений теоретической базой явились прежде всего современные труды по теории грамматикализации (Lehmann 1995/1982; Hopper & Traugott 2003; Haspelmath 1998; Dahl 2001 и др.).

В самом общем плане для автора являлись существенными представления, выработанные современным функционально-типологическим языкознанием. В рамках отечественной традиции наиболее важными были работы, выполненные в рамках Санкт-Петербургской / Ленинградской и Московской типологических школ.

Для данной работы, пожалуй, нет необходимости строго придерживаться какой-либо определенной синтаксической теории, однако наиболее удобную «теоретическую рамку» для изучения контактноиндуцированных и – шире – вообще, языковых изменений, как представляется, предоставляет грамматика конструкций. Я опирался в данной исследовании, прежде всего, на ее модификацию,

разработанную У.Крофтом (Croft 2001a). В работе делается попытка рассматривать контактные явления в их антропоцентрическом аспекте, то есть анализировать их место в языковой системе, не забывая о том, какие реальные процессы речепорождения в широком смысле их определяют и в рамках каких реальных социолингвистических ситуаций (также рассматриваемых прежде всего с точки зрения носителей языка – участников этих ситуаций) эти явления могли возникнуть.

1. Интерференционные явления в севернорусском диалекте цыганского языка (СРД)

1.1. Об интерференции и переключении кодов: предварительная постановка проблемы

Как уже было сказано в самом начале работы, вопрос о взаимоотношении переключения кодов и других контактнообусловленных явлений, прежде всего, языковой интерференции, долгое время не вставал перед лингвистикой, по крайней мере как самостоятельная проблема. Интерференционные явления рассматривались как факт изменения языковой системы под контактным влиянием, а переключение кодов как способы использования языков двуязычным индивидом или двуязычным языковым сообществом. Впервые проблема взаимоотношения этих двух явлений встала при анализе массового включения в речь на одном языке слов (или относительно устойчивых выражений) другого языка, – феномена, весьма распространенного при интенсивных контактах. При попытке теоретического осмысления этого явления сразу же встал вопрос, к чему их следует относить – к лексическим заимствованиям (т. е. к интерференции), к переключению кодов или же они представляют собой самостоятельный феномен. До сих пор проблема эта трактуется по-разному разными исследователями (обзор литературы по этой теме см.: Muysken 2000: 10-27). Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в разделе 2.2.

Другой аспект проблемы носит скорее диахронический или, вернее сказать, динамический характер, он заключается в том, какую роль явления переключения кодов (и родственные феномены) играют в контактнообусловленных изменениях языка. Наиболее масштабно и широко эта проблема была поставлена в работах К.Майерс-Скоттон и

ее последователей, но рассматривалась она и в исследованиях, проводившихся с несколько иных теоретических позиций (см., например, Аuer 1998). Я коснусь этого круга вопросов в разделе 3.

1.2. О цыганском языке и его диалектах

1.2.1. О развитии цыганологии

Надо отметить, что лингвистическая цыганология переживала на протяжении своей уже достаточно долгой истории (об истории цыгановедения см.: Hancock 1988; Matras & Bakker 1997; Русаков 1999а) периоды спада и подъема. Дисциплина, фундамент которой заложили в XIX веке такие выдающиеся и – главное – находившиеся во всеоружии теоретической лингвистической мысли своего времени лингвисты, как Потт, Асколи и Миклошич, перешла в начале XX столетия в руки либо дилетантов (порой очень талантливых), либо языковедов, интересы которых находились далеко от магистральной линии развития науки. Положение изменилось в последние годы, которые характеризуются “беспрецедентным увеличением количества публикаций, особенно монографий” (Matras & Bakker 1997 с.Х) и переходом цыгановедения на новый качественный уровень. С одной стороны, произошло резкое расширение доступной исследователям диалектной базы, с другой стороны, идет процесс интенсивного теоретического осмысления накопленного материала (см. прежде всего Matras 2001).

1.2.2. О цыганском языке: общие положения

Какой бы стороны функционирования цыганского языка ни касались исследователи и какова бы ни была конкретная задача их работы, проблематика языковых контактов оказывается абсолютно неизбежной при обращении к цыганскому материалу. Это прекрасно понимали еще основатели цыгановедения, недаром первая попытка научной классификации цыганских диалектов базировалась именно на контактном принципе: Фр.Миклошич разделил на базе анализа лексических заимствований совокупность цыганских диалектов Европы на 13 диалектных групп (Miklosich, 1872-1880). Действительно, цыганский язык⁸ представляет собой своего рода

⁸ Здесь и далее мы употребляем понятие “цыганский язык” как синоним понятия “совокупность цыганских диалектов Европы”; термин “общецыганский” относится, соответственно, к явлениям или чертам, общим для всех европейских цыганских диалектов, независимо от того, имеют ли

лабораторию языкового контактирования: для носителей цыганских диалектов характерен очень высокий уровень билингвизма, а сами эти диалекты контактировали с самыми разными языками.

Прежде чем приступать к анализу контактных явлений в СРД, необходимо отметить следующее (подробнее см. : Русаков 1998a)

1. "Цыганский как единство характеризуется в первую очередь гибридной структурой, обязанной своей словоизменительной и словообразовательной морфологией индоарийскому, а своей синтаксической организацией на уровне предложения – конвергентному развитию, которое цыганский испытал как часть балканского ареала на ранней европейской фазе своей истории"⁹ (Matras & Bakker 1997: xiv; перевод мой – А.Р.).

2. Различные цыганские диалекты не только контактировали с языками разной генетической принадлежности и несовпадающих типологических характеристик, но и демонстрируют различную степень подверженности контактному воздействию. На одном краю своеобразного контактноориентированного диалектного континуума мы имеем идиомы, представляющие собой просто сильно интерферированные диалекты, на другом цыганские диалекты, "перешедшие" на чужую грамматику (так называемые Para-Romani), являющиеся ярким примером смешанных языков. Таким образом, мы имеем уникальную возможность рассматривать на примере генетически общего языкового материала разные последствия языковых контактов.

1.2.3. О севернорусском диалекте цыганского языка

Основным объектом изучения в настоящей работе являются контактнообусловленные явления в севернорусском диалекте цыганского языка (СРД), точнее, в его варианте, распространенном в ряде поселков Ленинградской области (Михайловка, Вырица и др.), в которых проживает цыганское население.

Северно-русский диалект цыганского языка (СРД) входит в балтийскую диалектную группу, к которой относятся также диалекты латышских, польских и белорусско-литовских цыган (см. например,

они индийское или более позднее контактное происхождение.

⁹ Многие моменты ранней цыганской языковой истории до сих пор остаются непроясненными, однако очевидно, что цыганский формировался как целое на территории, где был распространен греческий язык в период между 11-12 и началом 15-го веков.

Вентцель, Черенков 1976, 287). Все балтийские диалекты относятся в свою очередь к большой северной группе цыганских диалектов Европы (см. Matras & Bakker 1997). Самоназвание носителей диалекта – *русска рома, халадытка рома*. Практически все носители СРД являются билингвами, свободно владеющими русским языком. СРД является первым языком для цыганских детей (подробнее см.: Елова, Русаков 1990).

СРД (как и большинство других диалектов северной группы) принадлежит к сильно интерферируемым цыганским диалектам, не являясь при этом смешанным языком. В последующих разделах я рассмотрю некоторые контактнообусловленные явления в этом диалекте (не касаясь фонологического уровня).

1.3. Об интерференционных явлениях в СРД в сфере грамматики

1.3.0. Вступительные замечания. 1. Надо отметить, что в употреблении термина *интерференция* в современной лингвистике наблюдается существенный разнобой. Одни исследователи продолжают вслед за Вайнрайхом понимать под интерференцией любые языковые изменения, обусловленные контактом (см., например, Thomason & Kaufman 1998, разделяющие, впрочем, "заимствование при сохранении языка" и "интерференцию вследствие языкового сдвига", но признающие оба явления "подтипами" интерференции). Другие противопоставляют интерференцию как структурное и/или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого языка, прямому заимствованию (*borrowing, transfer*) языковых элементов (морфем, слов и т.п., см. Heath 1996). Третьи вообще трактуют интерференцию как понятие, характеризующее исключительно SLA (Second Language Acquisition) то есть, собственно говоря, ограничивая его применение речевой деятельностью), а контактные изменения в системе языка предпочитают обозначать термином *заимствование* (Appel & Muysken 1987: 82-100). Несмотря на то, что термин "интерференция" в последние годы скорее сузил сферу своего применения, в дальнейшем изложении я буду использовать его в первоначальном "вайнрайховском" понимании как удобное обозначение для любых изменений контактного происхождения в языковой системе *gesp* речевой деятельности индивида.

2. Выше уже говорилось о введенном Вайнрайхом разграничении двух основных типов интерференционных явлений: а) заимствовании языковых элементов (слов, морфем или устойчивых элементов, больших, чем слово) в целостности их формы и содержания и б) межъязыковое отождествление *элементов* двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка. По поводу последнего надо заметить следующее. 1) Как правило, отождествляются единицы, имеющие в двух языках сходное значение¹⁰. Затем в результате отождествления в субдоминантном языке происходит дальнейшее уподобление значения отождествленного элемента под влиянием соответствующего элемента доминантного языка. Если происходит отождествление элементов двух языков, обладающих не только содержательной, но и определенной формальной близостью, то наблюдается эффект, иногда называемый исследователями *двойной этимологией* (см., например: Перехвальская 1987). Многочисленные случаи подобного развития мы можем наблюдать в цыганском языке, по поводу которых исследователи часто спорили о том, является ли тот или иной элемент исконным или заимствованным¹¹. По всей вероятности, в подобных случаях следует говорить о развитии исконного элемента под воздействием отождествленного с ним формально близкого элемента доминантного языка. Особенно часто подобное явление происходит при контактном взаимодействии близкородственных языков, когда отождествляемые элементы являются и этимологически тождественными. 2) Отождествление элементов двух языков часто влечет за собой калькирование конструкций доминантного языка, на место их элементов подставляются отождествленные элементы языка, испытывающего воздействие. Между копированием синтаксических конструкций и копированием конструкций, традиционно относимых к лексике – идиом и сложных слов, по всей видимости, нет

¹⁰ Межъязыковое отождествление грамматических элементов может бросить, как представляется, дополнительный свет на проблему «соизмеримости» и тождественности грамматических категорий в разных языках, проблему, чрезвычайно важную, в частности, для современной типологии.

¹¹ Самый яркий пример – цыганский определенный артикль *o, i (e)*, который с равным успехом может трактоваться и как продукт развития индийских указательных местоимений и как заимствование из греческого (об артикле в цыганском см. Boretzky 2000).

принципиальной разницы. 3) И семантический сдвиг, и калькирование могут сопровождаться, а могут не сопровождаться привнесением в испытывающий контактное воздействие язык новых грамматических категорий. При семантическом сдвиге привнесение новых категориальных значений происходит реже, при калькировании значительно чаще (см. Thomason & Kaufman 1988). 4) В рамках общих представлений о языковых изменениях контактнообусловленный семантический сдвиг несомненно представляет частный случай семантического изменения под аналогическим влиянием.

3. Я уже упоминал о том, что сами интерференционные механизмы не зависят от типа контактных ситуаций. Преимущественное использование того или иного механизма определяется, однако, определенными параметрами. Так, при семантическом сдвиге, калькировании и заимствовании грамматических морфем необходима значительная «психолингвистическая» доминация языка, оказывающего влияние. При лексических заимствованиях важна «престижность» языка-донора (см. Thomason & Kaufman 1978; Croft 2001б).

1.3.1. О семантическом сдвиге: именная система

1.3.1.1. Об устройстве системы имени в цыганских диалектах

Именная система СРД достаточно последовательно сохраняет свой "общецыганский" характер, как в плане состава грамматических категорий, так и с точки зрения способа их выражения. Имя в СРД характеризуется категориями числа (ед. и мн.), рода (м. и ж.), одушевленности/неодушевленности и падежа. Сохраняется типичный для цыганских диалектов "новоиндийский" "двухуровневый" характер строения именной лексемы, исчерпывающе описанный в современной научной литературе (см. Зограф 1976: 82-111, Matras 1997a) и дающий, если отрешиться от возможности разных теоретических трактовок этого феномена, семь падежных граммем: Ном., Акк., Ген., Дат., Инстр., Абл. и Лок.¹² Единственная именная

¹² Приведем в качестве примера образец склонения в единственном числе одушевленных и неодушевленных слов мужского рода.

Им.	ром	«цыган»	маро	«хлеб»
Вин.	ром-эс		маро	
Род.	ром-эс-киро		мар-эс-киро	

грамматическая категория, имеющая как будто бы общецыганский характер и подвергшаяся в СРД радикальной редукции, – категория определенности.

В целом же СРД в плане сохранения структуры цыганского существительного является скорее консервативным, разделяя в этом смысле особенности других диалектов северной диалектной группы. Этот консервативный характер представляет особый интерес на фоне общей высокой степени интерферированности СРД.

Обращение к реальному функционированию этой системы неизбежно ставит перед исследователем достаточно существенные вопросы, важные для понимания характера интерференционных процессов, действующих в диалекте. Прежде всего, следует отметить, что контактнообусловленные изменения, испытанные СРД в именной сфере, относятся в основном к области семантического сдвига.

1.3.1.2. Что именно отождествляется при семантическом сдвиге в области грамматики?

У.Вайнрайх эксплицитно писал о том, что при грамматической интерференции происходит отождествление «морфемы или грамматической категории языка А с морфемой или категорией языка Б» (Вайнрайх 1979: 73). Примерно такой же точки зрения придерживаются и современные исследователи. Так, Н.Борецки пишет как об отождествлении маркеров (Boretzky 1989: 368), так и об отождествлении грамматических категорий (Boretzky/Igla 1991: 6). Как представляется, базовой единицей межъязыкового отождествления разумно считать не грамматический маркер и не категорию как таковую, а **конструкцию**, понимаемую в духе Radical Construction Grammar У.Крофта (Croft 2001a)¹³.

Дат.	ром-эс-кэ	мар-эс-кэ
Инстр.	ром-эса	мар-эса
Абл.	ром-эс-тыр	мар-эс-тыр
Лок.	ром-эс-тэ	маро

¹³ Надо заметить, что в концепции Крофта понятие *конструкция* трактуется очень широко и включает в себя единицы разноуровневого характера, в том числе и словоформы (и как структурные схемы и как «субстанциально» наполненные идиоматические сочетания морфем) (см. Croft 2001a).

Эта опора на конструкцию, а не на формант¹⁴ в процессе межъязыкового отождествления хорошо видна при анализе контактнообусловленных изменений в сфере функционирования падежных форм в СРД.

Рассмотрим функционирование инструменталиса в СРД. В большинстве цыганских диалектов этот падеж может выражать два центральных, прототипических значения – собственно инструменталисьное и комитативное. Соответствием для формы СРД в инструменталисьном значении является беспредложная форма русского творительного:

(1) *и улыя тэвэрэса* (Инстр.) *и чингирдя сарэ дуй лакэ кисти, отчингирдя*

«взял **топором** и отрубил ей две кисти рук, отрубил»

Форма СРД инструменталиса в комитативном значении соответствует русской конструкции «с + Твор.»:

(2) *эй джиндя очень мало лэса* (Инстр.)

«она прожила очень мало **с ним**»

При этом собственно интерференционное воздействие русского языка проявляется в том, что *во всех случаях*, когда в русском употребляется конструкция «с + Твор.» в соответствующих фразах на СРД мы будем иметь форму инструменталиса. См. примеры, где Инстр. выражает значение обладания:

(3) *джювлы-то вастэнца* (Инстр.)

«женщина-то **с руками**»;

примеры, где инструменталис употребляется в конструкции, соответствующей русск. **вместе с**:

(4) *авэн вместе амэнца* (Инстр.)

«идем вместе **с нами**»;

а также многочисленные случаи, где употребление СРД инструменталиса определяется влиянием конкретных русских конструкций со словами, управляющими «с + Твор.»:

(5) *нат, мэ туса* (Инстр.) *нисогласно*

‘нет, я **с тобой** несогласен,

(6) *онэ сыс сыр пшал пхэняса* (Инстр.)

‘они были как брат **с сестрой**’

¹⁴ Справедливости ради следует заметить, что при анализе конкретных интерференционных влияний в разных языках исследователи всегда имплицитно оперировали понятием конструкции, на это их толкал сам материал.

(7) дуї *паиэса* (Инстр.) бэри
‘два с половиной года»

Здесь следует обратить внимание на два принципиальных момента:

1. Соответствующие русские и СРД конструкции имеют разное устройство с точки зрения традиционных представлений о синтаксических составляющих:

[Прожила [с ним]_{PP}]_{VP}

[джиндя лэса]_{VP}

Таким образом, мы видим, что различное устройство конструкций в плане выраженных в них традиционно выделяемых синтаксических отношений никак не влияет на возможность их межязыкового отождествления. Другими словами, двуязычный носитель отождествляет *конструкции* (в нашем случае русскую предложно-падежную и СРД падежную), а не отдельные форманты.

2. По всей вероятности, семантически обусловленные соответствия между двумя конструкциями устанавливаются на базе их прототипического значения (или значений), в данном случае – комитативного. Затем конструкция доминантного языка (русского) начинает влиять на сферу употребления (значения) конструкции подчиненного языка, в основном за счет ее употребления в разного рода идиоматических контекстах.¹⁵

В монолингвальной ситуации подобное закрепление идиоматического употребления падежных форм происходит путем метафоризации, представляя собой в то же время одно из проявлений грамматикализации (во всяком случае, мы имеем здесь потерю первоначальной функции и десемантизацию). Несомненно, такое развитие представляет собой аналогический процесс (ср. Norreg & Traugott 2003: 84-85). В ситуации двуязычия путь развития в субдоминантном языке как бы сокращается, вместо собственного когнитивно обусловленного развития мы имеем подстановку употреблений, свойственных доминантному языку.

¹⁵ Ср., например, аналогичную ситуацию при вепско-русских контактах: “для каждого русского предлога сформировалась эквивалентная конструкция с той же сферой употребления (например, вепский падеж комитатив был осознан как эквивалент русской конструкции с “с”, в результате чего фразы типа “Иван поссорился с Петром”, “Иван расстался с Петром” переводятся на вепский язык с помощью комитатива – получается нечто вроде “Иван расстался вместе с Петром”)” (Бурлак, Старостин 2001: 68).

3. Подобная ситуация характерна для функционирования именной системы СРД в целом. Для каждой русской падежной или предложно-падежной конструкции мы можем установить однозначные соответствия среди падежных форм СРД. Любопытно при этом, что в некоторых случаях *интерференционное* воздействие русского языка оказывает, по всей видимости, *консервирующее* воздействие на падежную систему СРД. Это относится, в частности, к сохранению в системе СРД *локатива*, самого нестойкого из цыганских падежей, исчезнувшего, например, из принадлежащего к той же самой балтийской диалектной группе диалекта *лешаки*. По всей видимости, это сохранение объясняется его отождествлением с русской конструкцией «у + *генитив*»¹⁶ (подробнее см.: Rusakov & Abramenko 1999a; Русаков 1999a).

1.3.1.3. Откуда берутся категории

1. В предыдущем разделе я пытался показать, что отождествляются конструкции, а не грамматические форманты, здесь же мы рассмотрим вопрос о том, можем ли мы говорить об отождествлении непосредственно грамматических категорий (см. Русаков 2003).

В СРД имеется *генитив*, согласующийся с ядерным словом (типичный пример *Suffixaufnahme*, см. Plank 1995) и *аккузатив*, форма которого для неодушевленных существительных совпадает с номинативной или ей омонимична.

Отождествление русского *генитива* с соответствующими

¹⁶ Главное значение, выражаемое локативными формами в СРД – значение обладания:

(8) *и лэстэ* (Лок.) *сыс раклори (и) раклоро* ‘у нее были дочь и сын’;

(9) *дыкхэла латэ* (Лок.) *дуй васта нанэ* ‘смотрит, у нее нет обеих рук’;

значение «внешнего обладания»:

(10) *дай лэндэ* (Лок.) *ек(х)джини* ‘мать у них одинокая’;

значение близкое дательному этическому:

(11) *и ту мандэ* (Лок.) *должэн дэ сарэ рига тэ джяс манца дэ сарэ форья* ‘и ты у меня должен во все края поехать, во все города’.

Также использование локатива определяется особенностями управления соответствующих русских слов (у + *генитив*):

(12) *но мандэ* (Лок.) *не получилось*

‘но у меня не получилось’

(13) *акэ ачяпэ када дывэс амэндэ* (Лок.) *туса*

‘так остался этот день у нас с тобой’

цыганскими падежными формами зависит от того, в какой конструкции употреблен русский генитив.:

Именная поссессивная конструкция: Русск. Род. пад. – СРД
Генитив

<i>Дом отца</i>	<i>Дад-эс-киро (Ген.) кхэр</i>
<i>Дочь отца</i>	<i>Дад-эс-кири (Ген.) чяй</i>

Глагольные конструкции: Русск. Род. пад. – СРД
Аккузатив

<i>Нет отца</i>	<i>Нанэ дад-эс (Акк.)</i>
<i>Нет дома</i>	<i>Нанэ кхэр (Акк.=Ном.)</i>
<i>Нет чая</i>	<i>Нанэ чяё (Акк.=Ном.)</i>
<i>(Нет чаю)</i>	

<i>Не увидел отца</i>	<i>На дыхтём дад-эс (Акк.)</i>
<i>Не увидел дома</i>	<i>На дыхтём кхэр (Акк.=Ном.)</i>
<i>(Не увидел дом)</i>	
<i>Не увидел сестры</i>	<i>На дыхтём пхэня (Акк.)</i>
<i>(Не увидел сестру)</i>	

<i>(Выпил воду)</i>	<i>Пиём паны (Акк.=Ном.)</i>
<i>Выпил воды</i>	

<i>(Выпил чай)</i>	<i>Пиём чяё (Акк.=Ном.)</i>
<i>Выпил чаю)</i>	
<i>Выпил чая</i>	

<i>(Увидел отца</i>	<i>Дыхтём дад-эс (Акк.)</i>
<i>Увидел дом</i>	<i>Дыхтём кхэр (Акк.=Ном.)</i>

«Псевдопартитивные конструкции»: Русск. Род. пад. – СРД
Номинатив или Аккузатив

<i>Краюшка хлеба</i>	<i>Краюшка маро (Акк.=Ном.)</i>
<i>Стопка коньяка/?коньяку</i>	<i>Стопка коньяко (Акк.=Ном.)</i>

Таким образом, русский беспредложный генитив имеет два ряда соответствий, в одних случаях ему соответствует СРД генитив, в других – СРД аккузатив (так же как и русскому аккузативу). Возникает вопрос, можем ли мы вообще в данном случае говорить о каком-либо русском влиянии?

По всей вероятности, русское влияние можно подозревать прежде всего в отрицательных экзистенциальных конструкциях и конструкциях обладания. Русизмом является здесь само использование в подобных конструкциях форм неименительного падежа, маркирующее субъект, несвойственное большинству цыганских диалектов. Что же касается отождествления русск. генитив – СРД аккузатив, то тут, по-видимому, сыграли роль два не независимых друг от друга обстоятельства: а) широкая омонимия генитивных и аккузативных форм в русском, а также омонимия аккузатива и номинатива неодушевленных существительных в русском и цыганском и б) наличие большого количества конструкций, где генитив и аккузатив (а также генитив 2 = партитив) находятся в отношении относительной взаимозаменяемости (см. табл.). Кроме того, мог сыграть роль особый характер цыганского генитива, максимально приближающий его к прилагательным (о цыганских генитивах см. Koptjevskaja-Tamm 2000).

Действительно, если рассмотреть русский генитив «в зеркале» контактного языка, становится еще более ясной его «неоднородность». С одной стороны, имеются именные конструкции, где генитив выступает в своей прототипической функции. С другой стороны, мы наблюдаем множество глагольных конструкций, в которых генитив маркирует объект или субъект. В части этих конструкций генитив не может быть заменен на другую падежную форму, в других такие замены – прежде всего на аккузатив, а для ограниченной группы лексем – на партитив, – возможны. Иногда вариативность определяется сравнительно ясными правилами: *выпил чай – выпил чая – выпил чаю*, иногда весьма затемненными: *не увидел сестры – не увидел сестру*).¹⁷ По-видимому, в связи с исключительным употреблением цыганского генитива в именных группах русский генитив в приглагольных конструкциях был отождествлен с падежом прямого объекта, аккузативом. Это повлекло за собой появление СРД аккузатива и в конструкциях, где

¹⁷ Особенности употребления приглагольного генитива в русском и других славянских языках посвящена обширнейшая литература. По всей видимости, противопоставление приглагольных аккузатива и генитива в славянских языках коррелирует с Переходностью соответствующих клауз, понимаемой в духе известной работы (Hopper, Thompson 1980). Анализ употребления субъектного и объектного генитива в русском с ареально-типологической точки зрения в см. в Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001.

русский генитив маркирует не объект, а субъект (в отрицательных бытийных конструкциях). Интересно, что русские псевдопартитивные конструкции интерпретируются в СРД так же, как глагольные, невзирая на их формальное сходство с именными посесивными конструкциями в русском языке. Здесь могли сыграть роль следующие моменты: 1) широкое распространение аппозитивных псевдо-партитивных конструкций в других цыганских диалектах, возможно имеющее общецыганский характер; 2) омонимия СРД аккумулятива и номинатива у неодушевленных существительных, позволившая «включить» подобные случаи в пару «русский генитив – СРД аккумулятив»; 3) значительные семантические различия между русскими генитивными и псевдопартитивными конструкциями и возможная внутренняя близость этих конструкций к соответствующим глагольным (*чашка чаю – выпить чаю*, о псевдопартитивных конструкциях см. Кортjevskaja-Тамм 2001)

По-видимому, наиболее адекватное объяснение данный фрагмент русско- – СРД соответствий получает в рамках представлений Radical Construction Grammar, согласно которым грамматические категории не являются заданными в системе языка, а выводятся из существующих в языке конструкций. В этом плане при межъязыковой интерпретации происходит как бы *вытягивание* категорий из конструкций.¹⁸ Для носителей СРД при такой интерпретации русский генитив несомненно распадается на две категории – генитив посесивный и генитив приглагольный (с «примыкающими» сюда именными псевдопартитивными конструкциями). Другой вопрос, насколько подобная интерпретация адекватна для монолингвального носителя русского языка.

¹⁸ “Radical Construction Grammar is a nonreductionist theory of syntactic representation. Constructions, not categories and relations, are the basic, primitive units of syntactic representation. The categories and relations are derived from them...” (Croft 2001: 48). Надо отметить, что эта идея Крофта в какой-то степени находит соответствие в применяемой А.А.Зализняком при установлении русской падежной системы процедуре Колмогорова – Успенского, где также падежи выводятся из контекстов (=конструкций) (Зализняк 2002). Разница, однако, заключается в том, что для Зализняка здесь речь идет о чисто операциональной процедуре, целью которой является дать экономное описание языковой системы. Для Крофта существенно понимание конструкции как реальной языковой единицы, которой оперирует носитель языка.

Рассмотрение этого вопроса выходит, однако, за пределы данной работы (см. также 1.3.5).

2. Дополнительный момент, заслуживающий внимания, заключается в том, что наряду с падежными формами в СРД имеются предложно-падежные конструкции. Соотношение предложно-падежных и падежных конструкций в СРД иное, чем в русском: процентная доля падежно-предложных конструкций ниже, это объясняется тем, что ряду русских конструкций с предлогами жестко соответствуют падежные формы СРД¹⁹. При сравнении русских и СРД предложно-падежных конструкций можно отметить следующие закономерности:

а) Между русскими и СРД предложно-падежными конструкциями устанавливаются определенные соответствия, при этом цыганские предлоги достаточно стойко сохраняют особенности своего управления (так, например, русским направительным и локативным конструкциям с предлогом *в* соответствует конструкция СРД *дрэ* (*дэ*, *дро*) + Локатив).

б) СРД предлоги довольно четко сохраняют свою первоначальную (локативную) семантику, это подтверждается сравнением с другими цыганскими диалектами. Вместе с тем, на «кидоматической» периферии влияние русского языка очень сильно: многие случаи употребления предложных конструкций в СРД объясняются особенностями управления конкретных русских слов.²⁰

в) На значение и употребление СРД предлогов определенное влияние оказывают русские предлоги, близкие им *по форме* (см. выше о двойной этимологии). Так, на употребление предлога *нэ/по*, оказывает влияние русск. *по*, на употребление *кэ/к* – русск *к*.

¹⁹ Русск. *с* + Твор. — СРД Инстр.; Русск. *из*, *от* + Ген. — СРД Abl.; Русск. *у* + Ген. — СРД Lok.

²⁰ См. в этой связи ситуацию в малояннисольском говоре приазовского диалекта новогреческого языка, где греческие предлоги хорошо сохраняют свои первичные семантические функции (причем их дистрибуция не совпадает с дистрибуцией русских предлогов), но полностью уподобились русским предлогам в своих более или менее идиоматических приглагольных употреблениях (см. Лисицкая 2003), где предложно-падежная конструкция становится частью большей глагольной конструкции с конкретно-лексическим, «субстанциональным» наполнением.

1.3.2. О структурных кальках

Важно отметить, что при подходе, исходящем из конструкции как основной языковой единицы, исчезает принципиальное различие между семантическим сдвигом и грамматическим калькированием. Действительно, семантический сдвиг в граммеме СРД аккузатива заключается в том, что после уподобления русскому генитиву, эта форма стала употребляться (= получила возможность быть употребленной) в отрицательных конструкциях обладания, то есть, собственно говоря, эта русская конструкция оказалось калькированной.²¹ Для того чтобы конструкция была перенесена из одного языка в другой, ее элементы (сами по себе тоже являющиеся конструкциями) должны подвергнуться межъязыковому отождествлению.

При этом необходимо подчеркнуть нечеткий, континуумный характер границы между лексическим и грамматическим при калькировании.

Это относится, в частности, к такому яркому "славизму" в СРД как аналитическое будущее время типа *ласа тэ багас* "будем петь (буквально – возьмем петь, начнем петь)"²², действительно, как будто бы очень близкому русскому будущему несовершенному. Однако реально в текстах форма эта встречается достаточно редко. Так, в

²¹ Точно так же и лексический семантический сдвиг можно рассматривать как расширение значения лексемы под влиянием отождествления с соответствующей лексемой доминирующего языка, проявляющееся в том, что она начинает использоваться в тех же конструкциях, что и в доминирующем языке.

²² Возможно, что наряду с русской моделью : *буду приносить* на формирование ее могла оказать влияние и украинская модель: *ходить-иму*, существующая в украинском наряду с моделью, аналогичной русской (см. Boretzky 1988: 369), ср. также образование будущего времени с помощью глагола «взять» в венгерском. Более вероятно, однако, что на становление аналитического будущего времени в СРД могла оказать влияние "альтернативная" менее грамматикализованная русская модель аналитического будущего, образуемая с помощью глагола *стать* (*я стану читать*), как бы «вырывающаяся» из сферы начинательности в футуральную область.. В СРД существует и другая форма аналитического будущего (широко представленная в текстах собранных в конце прошлого века В.Н.Добровольским и лишь спорадически в наших материалах), следующая русской модели: *авава тэ анав* "буду приносить" (*тэ авэс* "быть") (см. Русаков1998б).

наших текстах мы имеем следующее количественное распределение глагольных форм со значением будущего времени: формы, формально совпадающие с настоящим – 62 (из них приставочные 19), форм аналитического будущего всего две. Если предположить, что моделью для данной формы послужила русская конструкция с глаголом *стать*, то, возможно, что в таком случае следовало бы говорить о включенности этой формы не только (или даже не столько) в футуральную сферу, сколько в сферу начинательности (Л.Н.Черенков, личное сообщение). Ср. формы, также аналогичные русским: *мэ лыем тэ дыкхав* "я стал (букв. взял) смотреть". Важно тут, что в любом случае в начале процесса калькирования должно было лежать лексическое отождествление элементов конструкции, в данном случае, по всей видимости, русского *стать* и СРД *тэ лэс*. Остается, однако, не совсем ясным, насколько подобные "русифицированные способы" выражения грамматических значений инкорпорированы в грамматику СРД. В известном смысле, у нас отсутствуют точные механизмы определения "уровня грамматикализованности" той или иной конструкции.²³

Подобную ситуацию мы имеем и в сфере способов выражения неактивного залога. Исконная система выражения пассивного залога с помощью суффикса *-jov* потеряла продуктивность, перейдя в сферу непродуктивного словообразования. Распространение возвратных глаголов, образованных при помощи частицы *-нэ (-нэс)*, несомненно, поддерживается русским влиянием. Причем речь здесь идет прежде всего о калькировании конкретных русских глаголов. В зависимости от своих русских образцов возвратные глаголы в СРД могут иметь достаточно широкий спектр значений: прямо-возвратное, косвенно-возвратное, реже пассивное и т.п. (Вентцель 1964: 75-76). Одновременно в СРД используются аналитические пассивные

²³ Надо отметить, что и в других диалектах значение будущего времени очень часто выражается с помощью аналитических конструкций, представляющих собой кальки соответствующих конструкций языков окружающего населения (подробно см. Boretzky 1999). В целом у новоиндийских языков нет единой конструкции будущего времени (Зограф 1976: 223-227). Ср. также несомненно объясняемую семантическими причинами общую лабильность и нестойкость формальных средств выражения категории будущего времени в индоевропейских языках, открывающую путь к грамматикализации различных модальных и описательных конструкций (см. Dahl 2000).

конструкции: вспомогательный глагол + причастие, распространенные в разных цыганских диалектах, но также поддерживаемые русским влиянием.

В целом, говоря о калькировании грамматических конструкций, надо отметить, что если по отношению к семантическому сдвигу мы можем говорить об «импортированном» (и ускоренном) метафорическом процессе, то тут речь может идти об «импортированной» (и ускоренной) грамматикализации (ср. Keesing 1991: 35). В принципе и тут мы имеем дело скорее с количественными, нежели с качественными различиями по сравнению с «неконтактными» изменениями. Действительно, грамматикализация представляет собой процесс принципиально градуальный. Для такого рода процессов очень трудно отделить моменты, связанные с его *возникновением* (или скорее проявлением) в языковой системе (innovation, actuation) и его распространением в языковом сообществе (propagation).²⁴ Короче говоря, разные носители языка употребляют в разной степени грамматикализованные (хотя формально, возможно, и идентичные) конструкции. Ту же ситуацию мы имеем и в случае языкового контакта, разница заключается лишь в источнике инициации процесса грамматикализации.²⁵

1.3.3. О заимствовании морфем

Заимствование морфем – одна из любимых тем в контактологической литературе последних десятилетий. В результате накоплен довольно обширный материал, показывающий, что явление это действительно более редкое и экзотическое, чем семантический сдвиг или калькирование, отнюдь не является уникальным. Основная теоретическая проблема, дискутируемая в этом направлении еще со времен Уитни – степень подверженности заимствованию различных

²⁴ Вообще, проблема различения этих двух аспектов имеет чрезвычайно длительную традицию, из последних работ см.: Croft 2000.

²⁵ Принципиально схожее положение наблюдается и при калькировании лексических идиом. Процесс лексической идиоматизации часто называют *лексикализацией*. П.Хоппер и Э.Трауготт подчеркивают схожесть данного типа лексикализации с грамматикализацией (Hopper & Traugott 2003: 134-135), на их принципиальную однородность указывает и Х.Леман (Lehmann 1987: 203).

грамматических элементов. Как правило в основу подобной шкалы кладутся признаки, существенные для различения основных морфологических языковых типов, – морфологическая свобода/несвобода служебной морфемы и степень ее семантической простоты (хороший обзор подобных иерархий см. в: Wilkins 1996: 111-114).

В СРД, не считая префиксов, о которых будет сказано ниже, заимствована лишь одна грамматическая морфема в полном смысле слова – используемый в императиве показатель числа *-те*, употребляющийся в диалекте в качестве факультативного вторичного показателя наряду с исконным формантом:

(14a) *дэ-н* 'дайте'

дай-2PL

(14b) *дэ-н-те* 'дайте'

дай-2PL-2PL(RUSS)

Факт этот представляет собой прекрасную иллюстрацию положений, упомянутых выше, – *-те* является чуть ли не единственной в русской глагольной системе «агглютинативной» морфемой, имеющей лишь значение числа, но не лица (см. Русаков 1992; Rusakov 2001).²⁶

1.3.3.1. О заимствовании русских префиксов в СРД

Значительно более важным для функционирования глагольной системы СРД является заимствование системы русских префиксов (см. Rusakov 2001; Русаков 2000a).

1. Заимствование иноязычных префиксов не является специфической особенностью СРД и отмечается в ряде цыганских диалектов, контактировавших с языками с развитой префиксальной системой (Boretzky, Iгла 1991). Практически каждый глагол в СРД может употребляться с таким же набором русских префиксов, как и его русский эквивалент (*тэ дэс* "дать", *тэ отдэс* "отдать", *тэ выдэс*

²⁶ См. в этой связи заимствование аналогичной морфемы мн. ч. императива – *ni* в цыганских диалектах Албании. Впрочем, возможно, особое поведение этой морфемы определяется не только и не столько ее особым формально-грамматическим статусом, сколько, тесно с ним связанной и, может быть, его определяющей особой прагматической ролью императивных форм. Не случайно для многих и.-е. языков, в том числе и русского, характерно «прилепливание» соответствующего форманта, в нашем случае *-те* к частицам и междометиям (*на-те* и т.п.), ср. алб. *burra-ni!* "о, мужи!".

"выдать" и т.д.). Заимствованные префиксы приносят с собой всю свойственную им гамму грамматических свойств: видовое и акциональное значения, способность менять валентностную структуру глагола и т.п.

Считается, что массированное внедрение русских префиксов в глагольную систему СРД существенно изменило эту систему, прежде всего в плане выражения видо-временных отношений. Наряду с элементами старой (общецыганской) временной системы с аспектуальным противопоставлением аориста и имперфекта и единой формой настоящего/будущего времени, реализующей видовые значения в зависимости от лексической семантики глагола и контекста (15), внедряются элементы новой (возникший под влиянием русского) видо-временной системы с утратой противопоставления аорист / имперфект, с формой прошедшего времени, способной выражать видовые противопоставления с помощью заимствованных префиксов, и двумя типами будущего времени (16):

(15) *багалас* "(он) пел (имп.)" *багандя* "(он) спел"
багала "поет, споет, будет петь",

(16) *багандя* "он пел" *с-багандя* "он спел"
багала "он поет"
ласа тэ багал "он будет петь" *с-багала* "он споет"

Исследователи отмечают при этом, что СРД "копирует" русскую видовую систему неполностью. Так, Н. Борецки справедливо указывает в этой связи на невозможность имперфективации в СРД и других диалектах, заимствовавших префиксы (Boretzky 1989: 370, Friedman 1985: 383).

Внимательное рассмотрение текстов на СРД и материалов синтаксической анкеты позволяет уточнить детали этой картины.

2. Глагольные формы, образованные при помощи русских префиксов, занимают значительное место в текстах на СРД. Так, в записанных нами (и А.Сурво) в 1984 г. текстах на общее количество ок. 500 финитных глагольных форм (без учета русских заимствований) приходится 107 форм с русскими приставками. Как и следовало ожидать, преобладающая сфера распространения подобных форм – прошедшее время (56 форм на 160 форм претерита), далее идет неаналитическое будущее (19 форм из 72). Ср. с этим

сравнительно малое распространение приставочных глагольных форм в сфере настоящего (18 из 168).

3. И в текстах, и в ответах на вопросы синтаксической анкеты имеет место достаточно высокая степень вариативности в употреблении приставочных и бесприставочных глаголов. См., например, в соседних предложениях одного и того же текста (ср. также пример (1)):

(17) *И авнэ рома, у-галынэ со ей буты кэрдя...*

«И пришли цыгане, узнали, что она работает», и:

(18) *Ну дотэ гыне пал латыр тэ родэн и вдруг галынэ...*

«Ну тут пошли ее искать и вдруг узнали...»

Из этого можно, по всей видимости, сделать вывод, что употребление приставочных образований для выражения перфективного аспектуального значения не является обязательным. С другой стороны, приставочные глаголы употребляются, хотя и не очень часто, в явно имперфективном значении, калькируя, вероятно, имперфективирующие образования от русских приставочных глаголов:

(19) *И вот, приезжали кэ ей бут молы сватать. Ей на гыя и дай ла на **от-дыя***

«И вот, приезжали к ней много раз сватать. Она не шла и мать ее не **отдавала**».

4. Н.Борецки указал в свое время на то, что цыганские глаголы с русскими префиксами образуются по модели конкретных русских глаголов, что мы имеем дело практически с лексическими кальками (Boretzky 1989: 368). Когда приставочный глагол отличается от соответствующего бесприставочного лексически (в частности, акционально), подобная разница в значении маркируется и соответствующей цыганской глагольной парой. См. в наших текстах: *пхенава* "скажу" – *рос-пхенава* "расскажу".

То же самое происходит, когда русский приставочный глагол отличается от бесприставочного аспектуально: это отношение переносится и на цыганские соотносительные глаголы: *по-пучнэ* "попросили", *у-черде* "украли" и т.п. Подобные чисто видовые образования также повторяют обычно структуру соответствующих русских глаголов (Boretzky 1989: 368). Как и в русском языке, достаточно многочисленны случаи, когда при перфективации мы имеем и "акционально-лексическую" и видовую модификацию глагола:

(20) *а пхэн лакири... **вы-гыя** палэ раклэстэ палэ ром.*

«А ее дочь вышла за русского замуж»

Из вышесказанного можно сделать один важный предварительный вывод: грамматические изменения в сферу выражения аспектуальности также внедряются в СРД "лексическим путем".

5. На употребление приставочных *гесп.* бесприставочных глагольных форм оказывает значительное влияние семантика исходного глагола. Так, глаголы с предельным значением (например, *тэ авэс* "прийти") употребляются в прошедшем и будущем времени как правило без приставок (речь идет о перфективирующей функции приставки) и имеют при этом перфективное значение; фиксируется и употребление претерита от этих глаголов в имперфективном значении. Непредельные глаголы могут употребляться в перфективном значении и с приставками, и без приставок:

(21) *ей гыя учиться*

«она пошла учиться», но

(22) *ей у-гыя лэса*

«она ушла с ним».

6. Возникает, однако, существенный вопрос: составляют ли приставочные образования часть лексикона СРД, или они образуются непосредственно в момент речи.

Ответить на этот вопрос сколько-нибудь определенно без прямого обращения к языковой компетенции носителей диалекта невозможно. Можно предположить, однако, что при употреблении префиксальных образований носители СРД используют обе стратегии – и извлечение приставочного глагола из лексикона и "конструирование" его непосредственно в момент речи. В этом плане ситуация с приставочными образованиями не должна отличаться принципиально от ситуации с использованием в диалекте русских заимствований, а шире – от ситуации с производством/воспроизводством в речи грамматических форм слова в языках с развитой морфологией. Подтверждением (правда косвенным) реальности стратегии "конструирования" приставочных глаголов в момент речи могут служить достаточно частые случаи соседства в речи цыган русского приставочного глагола и его цыганского эквивалента:

(23) *ев саро проигрывает, граф Черный, да графо кало, про-кхэлла саро*

«Он все проигрывает граф Черный, этот черный граф, проигрывает все»

Подтверждением того, что по крайней мере часть приставочных образований хранится в лексиконе, является, как кажется, наличие некоторого количества приставочных глаголов, относительно которых остаются сомнения, «конструируются» ли они непосредственно в момент речи.

Это относится, прежде всего, к целому ряду приставочных образований от многозначного и функционально нагруженного глагола *тэ лэс* "брать, начинать, полувспомогательный глагол, образующий будущее аналитическое". См. в текстах:

(24) *мать ее при-лыя*

«мать ее приняла»; *при-лыибэ* "обычай, прием".

Соответствующие русские приставочные глаголы представляют собой с синхронной точки зрения достаточно сложные образования с абсолютно связанным корнем. Не совсем ясно, может ли в данной ситуации калькирование осуществляться в момент речи. Скорее можно предположить, что лексическое отождествление – или, по крайней мере, его начальная стадия – могло быть произведено на предшествующих стадиях развития диалекта, может быть, в условиях иного славянского языкового окружения.

И тут мы переходим к другому важному для понимания функционирования системы русских приставок в СРД вопросу. Является ли калькирование конкретных русских глаголов единственно возможной стратегией в СРД? Могут ли образовываться приставочные глаголы по определенным, закрепленным в СРД моделям без ориентации на конкретные русские слова? Говоря другими словами, обладают ли заимствованные приставки в СРД собственными словообразовательными/ словоизменительными потенциями?

Определенно ответить и на этот вопрос достаточно трудно. Однако и в наших текстах, и в ответах на анкету встречаются приставочные глаголы, определение которых как калек с конкретных русских глаголов достаточно затруднено. См., например, *тэ пирипасес* "переночевать, букв. перележать", *до-кэрдян* "ты (меня) довел, букв. доделал", целая группа приставочных образований от глагола *тэ чювэс* "класть", обозначающих действия, совершаемые с одеждой (*тэ рас-чювэспэ* "раздеться", *с-чювэс* "снимать (одежду)" и др.). Подобного рода примеры не поддаются однозначной трактовке. С

одной стороны, в принципе в них можно видеть кальки с определенных слов, относящихся к иным диалектным или хронологическим разновидностям русского языка (или иным славянским языкам), и, таким образом, "лексические остатки" контактов предшествующих состояний СРД. С другой стороны, возможно, что подобные примеры свидетельствуют о том, что наряду со стратегией калькирования конкретных глаголов, у носителей СРД существует стратегия производства новых глаголов (а возможно, и перфективных видовых форм уже существующих глаголов) при помощи "добавления" к цыганским глаголам русских префиксов по продуктивным схемам. Разумеется, различные стратегии могут по-разному комбинироваться и занимать разное место в языковой компетенции отдельных носителей СРД.

7. Говоря о системе видо-временных отношений в СРД в целом, надо отметить следующее:

– "Общецыганская" (при всей условности данного понятия) система выражения видо-временных отношений в СРД в значительной степени разрушена. Отчетливо видно это на судьбе имперфекта, употребляющегося во временной функции²⁷ крайне редко и приобретшего статус особой видо-временной формы, сочетающей значения хабитуалиса и отдаленного прошлого²⁸.

– Степень грамматической адаптированности элементов, обязанных своим возникновением интерференционному влиянию, достаточно трудно определить (ср. выше об аналитическом будущем).

– Уже говорилось о высоком уровне вариантности в использовании приставочных vs бесприставочных глагольных форм, в частности, для выражения видовых значений.

8. Надо отметить, что сложившаяся в СРД в высшей степени гетерогенная система выражения видо-временных отношений характеризуется высокой степенью «затемненности» (opacity). Действительно, по глагольной форме вне контекста практически невозможно определить ее аспектуальное значение. Наличие пары

²⁷ В функции кондиционала имперфект по-прежнему употребляется в СРД достаточно регулярно.

²⁸ В этой связи интересна возможность отнесения имперфекта в СРД к кругу глагольных форм, объединенных значением «ретроспективного сдвига» (термин В.А.Плунгяна). Как показал В.А.Плунгян, в разных языках подобные формы сочетают в разных комбинациях семемы хабитуальности, отдаленного прошлого и ирреального условия (Плунгян 2001).

«приставочный – бесприставочный глагол» без контекста и соответствующей русской глагольной пары не позволяет определить характер отношений между исходным и производным словом. С другой стороны, как мы убедились, в диалекте существует довольно широкий набор средств – чисто грамматических и колеблющихся в диапазоне между грамматикой и лексикой, – с помощью которых **могут** выражаться и выражаются аспектуальные значения. Несомненно, что ситуация, фиксируемая в СРД, должна иметь в высшей степени маркированный характер. Таким образом, развитие способов выражения видо-временных отношений в СРД от "общецыганского состояния" до современного состояния диалекта²⁹ характеризуется движением от «прозрачности» (transparency) к «затемненности». В принципе можно было бы ожидать от подобной системы неустойчивости. Однако обращение к языковому материалу второй половины прошлого века позволяет прийти к выводу о, напротив, относительной устойчивости системы способов выражения видо-временных отношений в диалекте. Так, в сборнике текстов Добровольского (Добровольский 1908), отражающей языковое состояние, по многим параметрам достаточно близкое к СРД, мы наблюдаем ситуацию, схожую с современной. В выборке из 300 финитных глагольных форм (без русских заимствований) представлено 65 префиксальных форм. В целом за последние сто с лишним лет ситуация с выражением видо-временных отношений в диалекте существенным образом не изменилось. Сложный и непрозрачный фрагмент языковой системы демонстрирует достаточно высокую степень устойчивости. Это хорошо согласуется с выводами, к которым пришли в свое время Томасон и Кауфман, показавшие, что при интенсивных языковых контактах интерференционные явления могут увеличивать степень маркированности языковой системы (Thomason & Kaufman 1988).

9. Крайне интересен вопрос о соотношении грамматического и лексического в интерференционных изменениях в СРД, связанных с проникновением в систему диалекта русских префиксов. Русские

²⁹ Разумеется, при этом надо четко осознавать, что само по себе это "общецыганское состояние", во-первых, во многом представляет собой лингвистический конструкт, во-вторых, также является продуктом интерференционного воздействия со стороны балканских языков (прежде всего, греческого).

приставочные глаголы представляют собой чрезвычайно сложный и внутренне противоречивый тип конструкции, сочетающий в себе черты схематического и субстанционального (идиоматического) типа конструкций. Практически каждый русский приставочный глагол в разной степени сочетает в себе «грамматичность» и «идиоматичность». Вместе с тем, и в плане выражения аспектуальных значений, и в плане создания лексического многообразия русских глаголов префиксы играют в русской глагольной системе чрезвычайно важную роль. Язык, находящийся под сильным русским влиянием, может по-разному реагировать на наличие в доминирующем языке такой сложной и непрозрачной системы. Некоторые такие языки вообще не реагируют на русскую префиксальную систему (см. Володин 1994; Груздева без даты). Это относится, например, к беспрефиксным³⁰ языкам и вообще к языкам с глагольной системой принципиально иного устройства. Любопытно, что язык алеутов острова Медный, столь старательно заимствовавший систему русских окончаний, русские префиксы не заимствовал (Головкин 1997). Языки с относительно развитой префиксальной системой (но не использующейся для выражения чисто аспектуальных противопоставлений) могут идти по пути семантического отождествления своих и чужих префиксальных конструкций с распространением на первые аспектуальной семантики. Это характерно, в частности, для идиш, германская по происхождению префиксальная система которого стала использоваться под славянским влиянием для выражения аспектуальных противопоставлений. В цыганских же диалектах произошло заимствование славянских префиксов.

По-видимому, при установлении межъязыковых соответствий между русскими и СРД глаголами произошел своего рода конфликт между необходимостью отождествления такого распространенного и важного класса русских конструкций, каковыми являются префиксальные глаголы, и невозможностью осуществить это отождествление морфологическими средствами цыганского языка. Способом разрешения этого конфликта явилось заимствование. Возможность заимствования облегчалась тем, что в СРД все же уже

³⁰ Любопытно, что новоиндийские языки принадлежат к языкам послеложно-суффиксального типа. Собственно общецыганские префиксы кроме привативных префиксов *на-* и *би-* не восстанавливаются. Про цыганские предлоги см. выше.

ограниченно существовали префиксы (см. прим. Error: Reference source not found) и *потенциально* они не противоречили грамматической системе СРД.³¹

Невзирая на то, что не существует единой точки зрения на временные параметры развития перфективации как средства выражения грамматического аспектуального противопоставления в славянских языках, очевидно, что мы имеем здесь дело с двумя стадиями (возможно, частично накладывающимися друг на друга) процесса грамматикализации. Первая – это сращение локативных наречий с глаголами (по-видимому, значительная часть этого процесса прошла в общеславянскую эпоху). Вторая – приобретение приставочными глаголами перфективного аспектуального грамматического значения (возможно, что этот процесс начался в общеславянскую эпоху). Исследователи отмечали, что этот последний процесс имеет отличия от классических случаев грамматикализации. Действительно, надо отметить, что значительная часть перфективирующих приставок в русском языке, приобретя аспектуальное значение, сохранила достаточно четкие неграмматические семантические компоненты. Тем не менее, выводить за пределы грамматикализации процесс, основной смысл которого сводится к развитию у целого класса элементов определенного грамматического значения, было бы, как кажется, неразумно. Нет никакого сомнения и в том, что в развитии этого значения большую роль должны были сыграть аналогические процессы.

В результате «полукалькирования» русских префиксальных глаголов СРД не скопировал полностью русскую систему выражения видо-временных отношений. «Русский» способ выражения видо-временных отношений как бы наложился на цыганский, не аннулировав последний. В приставочном глаголе в СРД может актуализироваться либо «лексический» компонент приставочного значения, либо аспектуальный, либо (по-видимому, чаще всего) оба вместе.

³¹ Надо отметить, что с конкретно-исторической точки зрения постулируемый процесс носит отчасти идеализированный характер. Предки носителей современного СРД, по всей вероятности, проживали на территории распространения польского языка, и, возможно, знакомство с славянскими суффиксами происходило еще в контакте с польским. Впрочем, это, по-видимому, не меняет сути происходивших процессов.

При этом в СРД имеется **возможность** выражения аспектуальных значений максимально приближенно – по крайней мере, внешне – к русской модели. Как уже было сказано выше, мы реально не можем определить степень «грамматикализованности». Относительно слабый уровень процесса грамматикализации в нашем случае определяется достаточно сложным характером процесса перфективации в русском языке, где "лексическое" и "грамматическое" тесно переплетаются.

Важно отметить также высокий уровень русско-цыганского билингвизма при доминации русского языка. Носители СРД, обладая высоким уровнем языковой компетенции в русском, способны непосредственно в процессе речевой деятельности на цыганском калькировать конкретные русские синтаксические и словообразовательные модели. Таким образом, в их "цыганскую" языковую компетенцию входят не только и не столько конкретные модели, обязанные своим возникновением русским образцам, сколько **сама способность к подобному калькированию**.

1.3.4. СРД: имя и глагол (интерференционное влияние)

Как представляется, разница в сценариях действия русского влияния, с одной стороны, на падежную, а с другой, на видо-временную систему СРД может быть объяснена тем, что в последнем случае не были установлены точные однозначные соответствия между конструкциями двух языков, точнее, тем, что эти соответствия не смогли перейти с лексического на собственно грамматический уровень. Одной из важных (хотя и не единственной) причин этого могло быть то, что СРД не скопировал русскую *имперфективацию* как продуктивную модель словообразования (словоизменения?). Хотя заимствованные префиксы и развили функцию (потенциальных) маркеров аспектуальных отношений, сама основа аориста стала, в сущности, аспектуально нейтральной.³² Собственно говоря,

³² Можно было бы высказать предположение о том, что на потерю *основой* прошедшего времени глагола в СРД возможности последовательно выражать аспектуальные значения могло повлиять то обстоятельство, что в русском языке основа глагола, взятая в отвлечении от префикса, не поддается однозначному аспектуальному истолкованию. Имеются, однако, факты, не позволяющие полностью принять это объяснение (см. ниже 2.2.2). Возможно, однако, что особенности устройства русского глагола – четкое противопоставление основы настоящего и прошедшего времени вне

имперфективация могла проникнуть в СРД двумя путями: 1) путем заимствования русских имперфективирующих суффиксов или 2) путем калькирования соответствующих словообразовательных (словоизменительных?) структур собственными средствами. Возможность осуществления первого варианта должна была тормозиться прежде всего сложным, достаточно нерегулярным характером глагольной имперфективации в русском³³, к тому же заимствование грамматических суффиксов («наиболее прототипических аффиксов», Плунгян 2000: 90) во флективных языках – явление вообще довольно редкое (по сравнению с заимствованием гораздо более автономных префиксов), хотя и не уникальное.³⁴

Что касается возможности калькирования конструкций с имперфективацией, то, по всей видимости, СРД «не хватило» собственных языковых средств: не нашлось материально выраженных элементов для того, чтобы установить необходимые межъязыковые соответствия. Структурные возможности копирования оказались, таким образом, как бы заблокированы. В результате аналогические процессы, лежащие в основе любой межъязыковой идентификации, не были осуществлены. По всей видимости, по крайней мере для языков синтетического типа, подобный конфликт между структурным воздействием и собственными «субстанциальными» возможностями часто создает своего рода предел для осуществления контактнообусловленных изменений. Иногда сила давления какого-то фрагмента языка-донора по какой-то причине превышает возможности сопротивления системы языка-реципиента, и тогда

зависимости от вида – могли способствовать вытеснению а периферию временной системы СРД имперфекта, образованного от основы *настоящего* времени.

³³ Хотя имперфективирующие морфемы *-ива-* и *-ва-* сами по себе достаточно регулярны, морфологические правила, регулирующие их присоединение к глаголам разных классов, весьма сложны, имперфективирующий формант – *a-* омонимичен другим словообразовательным и основообразующим формантам внутри русской глагольной системы.

³⁴ Ср., однако, заимствование славянских *имперфективирующих* суффиксов (наряду с заимствованием перфективирующих префиксов) в истрорумынском – восточнороманском диалекте, испытавшем чрезвычайно сильное славянское влияние (Нарумов 2001).

происходит прямое заимствование связанных грамматических элементов. Так произошло с русскими префиксами (см. также 2.3.1).³⁵

Другим важным аспектом рассматриваемой проблемы является влияние внутренних свойств грамматической категории на ее проницаемость. Так, исследователями отмечалось, что цыганские диалекты «охотнее» копируют иноязычные конструкции, относящиеся к модальной сфере³⁶, нежели к видовой (Friedman 2000; см. также Boretzky 1996). Как известно, категория вида, выражая разные параметры внутреннего устройства глагольного действия, наиболее тесно связана с лексической семантикой глагола. Это находит, в частности, и иконическое выражение, прежде всего – в порядке размещения глагольных аффиксов относительно корня (Bybee 1985, см. об этом Плуноян 2000). Тесная связь категории вида с лексическим значением конкретного глагола в языке-доноре может мешать ее последовательному *грамматическому* копированию в языке-реципиенте (см. также 1.3.8.2).

Ниже мы еще вернемся к проблеме разной контактной трактовки имени и глагола в СРД (см. 2.2.2). Отметим лишь, что категория падежа, имеющая, с одной стороны, более формальный, синтаксический характер, а с другой, достаточно четкие прототипические значения (для СРД это касается, в частности, локатива, инструменталиса, аблатива) легче отождествляется и калькируется при контакте, чем граммы глагола.³⁷

1.3.5. О контактном воздействии в синтаксисе порядка слов

1. Переходя от морфологии и морфосинтаксиса к синтаксису порядка слов, надо отметить, что он традиционно признается одним из самых проницаемых уровней языка. Высказывались даже мнения, согласно которым порядок вообще меняется в основном контактнообусловленным образом (см. Smith 1981, а также Campbell

³⁵ Заимствования русских префиксов в СРД несомненно связано с их особым статусом в русском (и многих других индоевропейских языках), в частности, с их менее связанным характером (см., например, Плуноян 2000: 90).

³⁶ Включая сюда и имеющие тесную связь с модальностью конструкции будущего времени.

³⁷ Также, возможно, и менее тождественные в разных языках (см. многочисленные дискуссии о принципиальной возможности/невозможности межъязыкового отождествления категорий (по преимуществу глагольных!) при лингвистическом описании.

& Harris 1995). Это, несомненно, является сильным преувеличением: известны многочисленные случаи изменений в порядке слов неконтактного происхождения (сюда относятся, в частности, практически все случаи установления жесткого порядка слов вместо прежнего относительно свободного порядка, определявшегося коммуникативно-прагматическими факторами). Однако, действительно, изменения в порядке слов особенно часто происходят под иноязычным влиянием (подробный анализ проблемы иноязычного влияния на порядок слов см. в Harris & Campbell 1995). Это объясняют иногда тем, что при изменении порядка слов аналогия типа действует реже, чем при изменениях в морфологии и морфосинтаксисе. Действительно, если в языке существует порядок слов NounAdjective, то что, собственно говоря, может аналогически воздействовать на изменение порядка элементов в этой конструкции (Bybee 1988: 354)? Харрис и Кэмпбэлл считают, что на порядок элементов могут повлиять другие конструкции с обратным порядком следования вершины и зависимого элемента (многочисленные конструкции типа ДН могут повлиять на немногочисленные конструкции типа НД – например, NounAdjectiv – так, что порядок в этих последних будет перестроен, Harris & Campbell 1995: 231-232). Однако непонятно, действуют ли аналогические механизмы на столь абстрактном уровне, является ли конструкция типа «Head-Dependent» вообще конструкцией для носителя языка. Напротив, при межъязыковом отождествлении конструкция с порядком «прилагательное – существительное» в языке-доноре вполне может повлиять на изменение порядка в аналогичной конструкции в языке-реципиенте.

В целом относительный порядок основных компонентов в клаузе (S, O и V) является, по всей видимости, менее стабильным, чем порядок слов в других типах составляющих, т.е. в большей степени подвержен изменениям при контакте. По всей видимости, существует два типа отождествления конструкций. С одной стороны может происходить поэлементное отождествление, и тогда вероятно последующее структурное калькирование: появление новых конструкций или изменение порядка составляющих в уже существующих. С другой стороны, возможно отождествление конструкций, так сказать, целиком, отождествление, при котором они воспринимаются как эквивалентные, *несмотря на* разный порядок следования элементов.

2. Как отметил Н.Борецки применительно к цыганским диалектам, при иноязычном влиянии в области порядка слов в языке-реципиенте не столько закрепляются жесткие синтаксические ограничения, свойственные языку-донору, сколько под влиянием последнего появляются альтернативные варианты. Почти что независимо от жесткого resp. свободного порядка слов в языке-доноре степень свободы в языке-реципиенте скорее увеличивается. Так, в диалектах синти, испытавших очень сильное немецкое влияние, в частности, в синтаксической сфере, не закрепляются самые жесткие позиционные правила: глагол не обязательно занимает последнее место в зависимом предложении, отрицание занимает второе место лишь факультативно (Boretzky 1999). При доминировании языка со свободным порядком слов, определяемым прагматическими факторами, влияние может быть очень сильным. Такую ситуацию мы имеем в СРД, где синтаксис порядка слов практически полностью уподобился русскому.

Интересна ситуация с генитивными конструкциями в СРД. В принципе генитив в цыганских диалектах тяготеет к препозитивному употреблению (cf. Matras 2001: 166), в то же время для многих цыганских диалектов отмечается относительная свобода расположения генитива относительно вершины (см. Кортјевская-Тамм 2000: 146). В СРД явно преобладает препозиция генитива. Не совсем ясно, является ли это следствием упомянутого выше «цельного» отождествления русской и СРД конструкций или влияния русских притяжательных прилагательных (и притяжательных местоимений), с которыми вполне мог быть отождествлен цыганский (вторично склоняемый!) генитив.³⁸

1.3.6. Реанализ, аналогия, грамматикализация, заимствование

1. Вынесенные в название этого раздела термины представляют собой базовые понятия, которыми оперирует практически каждый современный исследователь грамматических изменений, однако относительно характера, взаимоотношений и (возможной) иерархии стоящих за ними процессов единства мнений, пожалуй, не существует.

³⁸ Против последнего предположения, казалось бы, говорят случаи типа: *мирэ мамэнги́ро тшал* «моей мамы брат», где генитив сохраняет способность быть вершиной для притяжательного прилагательного (см.. Кортјевская-Тамм 2000: 135-136).

Так, А.Харрис и Л.Кэмпбелл выделяют два основных механизма синтаксических изменений: *реанализ* (изменение в глубинной структуре при сохранении поверхностной)³⁹ и «расширение» (*extension*) (обратная ситуация). Понятие экстенсии более или менее совпадает с традиционными представлениями об аналогических изменениях (Harris & Campbell 1995). Понятие *грамматикализации* занимает в их концепции сравнительно небольшое место, при этом они определяют ее как «макропроцесс, состоящий минимально из одного процесса реанализа, но часто вовлекающий более, чем один реанализ» (Ibid: 92). В качестве особого механизма синтаксического изменения вводится также *заимствование*, понимаемое как копирование синтаксических структур доминирующего языка. Авторы достаточно эксплицитно утверждают при этом, что реанализ не характерен для контактнообусловленных изменений (Harris & Campbell 1995: 150).

Рассматривая грамматические изменения противоположной, «грамматикализационной» перспективе, П.Хоппер и Э.Трауготт определяют *реанализ* и *аналогию* как два базовых механизма грамматикализации. При этом главным механизмом, действующим на синтагматической оси является реанализ (могущий действовать и вне условий грамматикализации), аналогия парадигматически распространяет результаты реанализа на новые конструкции (Hopper & Traugott 2003: 50, 58, 68-70).

Другой классик теории грамматикализации К.Леман в качестве ведущих сил грамматических изменений выделяет *аналогию* и *редукцию*, последняя включает *грамматикализацию* и *лексикализацию* (Lehmann 1987: 203).

В своей книге о языковых изменениях В.Крофт в качестве их ведущих механизмов рассматривает «*реанализ соотношения формы и функции*» (*form-function reanalysis*)⁴⁰, *интерференцию*,

³⁹ Классическая формулировка реанализа принадлежит Р.Лангакеру (Langacker 1977).

⁴⁰ *Реанализ соотношения формы и функции* по Крофту включает в себя и изменение поверхностной реализации грамматической конструкции. Помимо этого вида реанализа, Крофт выделяет еще и «*структурный реанализ*», представляющий собой, насколько можно судить, переосмысление синтаксической структуры без каких-либо поверхностных изменений (Croft 2000: 164-5). Взаимоотношения между двумя типами реанализа остаются, однако, не полностью проясненными.

интраференцию и *грамматикализацию*. При этом интерференция и интраференция представляют собой широкий класс аналогических процессов, при интерференции воздействие оказывают модели контактного языка, при интраференции – внутриязыковые модели (Croft 2000: 117-165). Следует заметить, что Крофт наиболее последовательно объединяет изменения билингвального и монолингвального типа.

Решительно отделяет *грамматикализацию* от *реанализа* М.Хаспельмат, на ряде примеров он показывает, что многочисленные случаи грамматикализации, объясняемые через реанализ, в таком объяснении не нуждаются, и что, напротив, реанализ реализуется вне грамматикализационных процессов. Хаспельмат выделяет несколько фундаментальных различий между реанализом и грамматикализацией, главные из них заключаются в однонаправленности и градуальности грамматикализации при двунаправленности и скачкообразном характере реанализа (Haspelmath 1998).

Наконец, Б.Джозеф вообще отрицает ценность и содержательность понятия «*грамматикализация*», предлагая рассматривать ее не как процесс или механизм грамматического изменения, а как его побочный продукт (epiphenomenon), результат, к которому могут привести реальные диахронические процессы: фонологическая диффузия и, особенно, *аналогия* (Joseph 2000a; Joseph 1998).⁴¹

2. Хотя в рассматриваемых процессах остается еще достаточно много неясного, можно, как представляется, сделать следующие предварительные выводы.

а) По всей видимости, нет оснований считать, что грамматикализация является побочным продуктом языковых изменений. Против этого говорит подавляющее преобладание в истории языка таких явлений, которые можно трактовать как грамматикализационные, по сравнению с приводимыми обычно контрпримерами. При таком преобладании считать грамматикализацию лишь результатом несвязанных друг с другом

⁴¹ Этот обзор носит, разумеется, сугубо выборочный характер. Я не касался в нем, в частности, взглядов авторов на другие фундаментальные свойства языковых изменений: их возникновение в результате «передачи» языка от поколения к поколению vs. развития языка в ходе нормальной коммуникации; их абдуктивного характера и др.

процессов было бы возможно лишь при сугубо телеологическом подходе к языковым изменениям, справедливо отвергаемом большинством лингвистов.

Другое дело, какова мотивация грамматикализации. Не имея возможности подробно останавливаться на этой сложной проблеме, заметим лишь, что она лежит, по-видимому, в сфере самых общих когнитивных принципов устройства языка, в целом тех же, что определяют наличие во всех языках грамматического компонента, хотя и по-разному устроенного и разного "объема" (интересные соображения по поводу мотивации грамматикализации см. в Haspelmath 1998: 319-322). В этой связи существенным представляется мнение К.Лемана, рассматривающего грамматикализацию в рамках общего направления развития языка в сторону *редукции*.

б) Ряд процессов, ассоциирующихся с грамматикализацией, действительно представляет, по всей видимости, ее непосредственные проявления. Это относится, например, к процессам фонетического сращения значимых элементов и их фонетической эрозии. Как правило такие изменения не являются частью регулярных звуковых изменений «младограмматического» типа (см., например, часто приводящееся в работах по грамматикализации образование французского будущего времени из сочетания с *habere*)⁴².

Напротив, реанализ и аналогия являются, по-видимому, относительно независимыми процессами когнитивного характера, происходящими, в частности, и в рамках грамматикализации как направления развития того или иного фрагмента языковой системы. Действительно, аналогия представляет собой базовую когнитивную операцию, применяющуюся и в рамках речевой деятельности человека, и за ее пределами. Разумеется, аналогия действует и вне связи с грамматикализацией⁴³.

⁴² Из этого не следует, разумеется, что любое фонетическое изменение, затрагивающее, в частности, грамматические морфемы, должно рассматриваться в рамках грамматикализации. Это могут быть, действительно, независимые фонетические процессы, приводящие к более или менее существенным изменениям и в грамматической системе

⁴³ Если не считать грамматикализацией *любые* изменения в сфере грамматики: изменения грамматических значений и функций, перераспределения типов склонения и спряжения и т.п. Такой широкий подход к грамматикализации в известной мере выхолащивает ее смысл.

В реальности реанализа как механизма грамматического изменения, как кажется, тоже не приходится сомневаться. Необходимость в нем появляется тогда, когда носитель языка сталкивается с потенциальной амбивалентностью какой-либо грамматической конструкции. Амбивалентность эта приводит к дополнительному анализу и возможному переосмыслению конструкции. И в этом плане реанализ, с одной стороны, может быть вызван процессами грамматикализации, приведшими к изменению конструкции, а с другой стороны, может выступать как один из этапов развивающейся грамматикализации. Соглашаясь с М.Хаспельматом в том, что многие из случаев грамматикализации, приводимых им, действительно, могут быть объяснены и без привлечения реанализа, следует заметить, что это еще не является доказательством того, что реанализ не имел там места. Главный его довод – скачкообразность реанализа – также может быть переосмыслен. Сам М.Хаспельмат соглашается с тем, что эту скачкообразность следует понимать лишь в плане «синтаксическом» (отсутствие промежуточных структур, Haspelmath 1998: 347 n 7). Однако градуальность реанализа, в плане возможного наличия в языковом сознании индивида вариантов трактовки конструкции, и градуальность в смысле распространения (propagation) изменения в языковом сообществе (там же) могут как бы снимать скачкообразность реанализа и хорошо согласовываться с нашими представлениями о градуальном характере самой грамматикализации.

в) Как представляется, едва ли разумно вслед за А.Харрис и Л.Кэмпбелл выделять «заимствование», понимаемое как копирование синтаксических структур доминирующего языка в качестве отдельного механизма грамматических изменений. Скорее, в случае языковых контактов мы имеем дело с особым внешним условием, в рамках которого могут осуществляться процессы, характерные для грамматических изменений вообще. Для аналогических изменений это было сформулировано особенно четко В.Крофтом, показавшим, что на характер аналогических процессов не оказывает принципиального влияния то, относятся ли конструкции, оказывающая и испытывающая влияние, к одному или к разным языкам. На примере семантического сдвига в СРД мы показали действие аналогических процессов при межязыковом отождествлении.

Влияние доминирующего языка может выступать своеобразным катализатором процесса грамматикализации – это имеет место, в частности, при калькировании аналитических грамматических форм. В конечном итоге и здесь мы имеем дело с аналогическими процессами.

Сложнее дело обстоит с реанализом. Как было показано выше, большинство исследователей выводит реанализ за пределы контактнообусловленных процессов. Это, однако, не совсем понятно. При достаточно продвинутом билингвизме (а именно при таком билингвизме и происходит большинство грамматических изменений, во всяком случае, в ситуации сохранения языка) билингвальный носитель имеет более или менее равный доступ к обоим языкам и, по-видимому, способен применять к ним те же операции, что и монолингвальный носитель к своему родному языку. При межъязыковом отождествлении могут происходить в таком случае и процессы, по крайней мере, близкие к реанализу⁴⁴ (см. об этом, в частности, Mithun 2004). Так, обращаясь к нашему материалу, мы наблюдаем нечто подобное при интерпретации русского генитива (см. 1.3.1.3).⁴⁵

Как реанализ мы можем рассматривать и ситуацию с приставками: своего рода реанализ имел место, по-видимому, и в истории перфективации в русском (славянских?) языке: приставочные глаголы были переинтерпретированы как имеющие не только особое лексическое, но и аспектуальное значение.⁴⁶ При дальнейшей интерпретации приставочных глаголов носителями СРД перфективное значение как будто бы «опять» стало восприниматься как необязательное.⁴⁷

⁴⁴ При этом я понимаю реанализ скорее в духе В.Крофта, чем А.Харрис и Л.Кэмпбелл.

⁴⁵ Здесь мы имеем случай *гипоанализа*, согласно классификации реанализа, предложенной В.Крофтом: свойства контекста, в данном случае конструкции, в которой употребляется падежная форма, были интерпретированы как внутренние свойства самой формы (Kroft 2000: 126).

⁴⁶ Подобные случаи В.Крофт называет *метаанализом*: имеется высокая корреляция между внутренними и контекстуальными свойствами конструкции, при реанализе они как бы меняются местами (Kroft 2000: 134). Наличие приставки в глаголе весьма часто сопровождалось дополнительным перфективным его употреблением, постепенно перфективирующее значение стало основным (или, по крайней мере, обязательным).

1.3.7. «Прагматическая» интерференция

1. Весьма перспективным представляется подробно разработанное Я.Матрасом понятие *прагматически доминантного языка* – языка, определяющего правила и узус речевого общения в многоязычном сообществе (Matras 1998). Прагматически доминантный язык служит для билингвальных носителей ресурсом для «дискурсивных, жестообразных, регулирующих дискурс целей» (Там же: 281). Подобными дискурсорегулирующими элементами являются междометия, слова-наполнители (*fillers*) и эмблематические выражения, сентенциальные частицы (типа *итак, вот*), фокусные частицы, включающие фазовые наречия (*уже, еще*), а также союзы, прежде всего противительные (там же: 293-4).

В СРД вышеперечисленные категории слов представлены по большей частью русскими заимствованиями:

(25) *Ну, всё-таки, конечно, можно сказать, что лачипэн мэ на дыхтём, больше худыма*

«Ну, всё-таки, конечно, можно сказать, что хорошего я не видела, больше плохое»

Важно отметить, что подобные элементы являются зоной, где явления интерференции и переключения кодов подходят друг к другу наиболее близко. Подробнее об этом см. 2.

2. По-видимому, прагматическая, в широком понимании, сфера определяет и контактнообусловленные явления в функционировании императивной парадигмы в СРД. Выше уже говорилось о заимствовании русского императивного окончания *–те*. Другой особенностью СРД является широкое использование в периферийных формах императивной парадигмы русских императивных частиц:

⁴⁷ Интересный пример подобного реанализа приводится в (Соболев 1990), где показывается, как носители пограничных с Албанией сербских говоров Черногории отождествили албанские генитивные конструкции с аналитическим связующим формантом с сербскими предложными конструкциями с предлогом *от*:

алб. *mishi i derrit* — сербск. *месо од-овце*
мясо Ген. свинья.Ген.

В результате подобной интерпретации произошло «своего рода выравнивание структуры субстантивного словосочетания в черногорских говорах по единой модели,... которая структурно идентична генитивной албанской синтагме» (Соболев 1990: 18; см. Также Цивьян 1965: 64-65).

- а) (26) *давай сбагас* «давай(те) споем»; *давай ласа тэ багас* «давай(те) будем петь»; *давай тэ багас* «давай петь»;
- б) (27) *джява-ка мэ* «пойду-ка я».

1.3.8. Интерференция в других цыганских диалектах

1. *Цыганский как балканский язык.* Цыганский язык как диалектное единство сформировался в зоне распространения греческого языка, тем самым приобретя черты, сближающие его с языками балканского языкового союза. Кроме того, ряд цыганских диалектов, прежде всего, диалекты влашской и балканской групп (о цыганской диалектологии см. Matras & Bakker 1997; Matras 2001) продолжали (а некоторые продолжают) развиваться на Балканах и приобрели дополнительные балканские черты. Эти последние – прежде всего, дублирование объекта личным местоимением и «употребление в ряде диалектов футуральной частицы, восходящей к глаголу желания» (Matras & Bakker 1997: XIV), – представляют собой типичные случаи структурного калькирования. Что касается общецыганских черт, то как балканизм может рассматриваться прежде всего отсутствие инфинитива и замена его аналитическим конъюнктивом балканского типа (см. об этом Friedman 1997)⁴⁸, а также «употребление разных союзов при фактуальном и нефактуальном придаточном изъяснительном» (Matras & Bakker 1997: XIV), оба этих явления достаточно хорошо объясняются влиянием греческого.⁴⁹ Таким образом, как справедливо указывает В.Фридман, цыганский язык не может быть отнесен к ядру Балканского языкового союза (БЯС) (Фридман 1997: 59) и едва ли может дать очень много для прояснения базовых моментов истории его формирования.

Очень существенно отошла от состояния, которое мы находим в других новоиндийских языках, система цыганского глагола в целом. Однако, тут мы наблюдаем, как кажется, не столько собственно балканские черты (глагольные системы в балканских языках достаточно сильно различаются), сколько отход цыганской

⁴⁸ Любопытно, однако, что сходное явление имеется и в диалекте переднеазиатских цыган, заведомо не испытывавшем балканского влияния (Macalister 1911: 292).

⁴⁹ О создании на базе *греческой* морфологии особой системы адаптационных именных и глагольных суффиксов и флексий, см. ниже 2.2.

глагольной системы от новоиндийского типа и приближение ее к «Standard Average European (SAE) типу.

Существует еще ряд черт цыганского, несомненно отличающих его от других новоиндийских языков, собственно "балканский" статус которых, тем не менее, не совсем ясен. Это также черты, сближающие цыганский с языками SAE ареала. Сюда относится (кроме особенностей устройства глагольной системы)⁵⁰ также наличие препозитивного артикля (см. прим. Error: Reference source not found), употребление предлогов, некоторые особенности устройства глагольной системы, переход к порядку SVO⁵¹. Отмечалось, что «балканизация раннего цыганского вызывает одновременно европеизацию многих его черт» (Matras 2001: 199). Таким образом, многие черты, полученные цыганским языком как совокупностью диалектов на Балканах (а ранее, вероятно, в Малой Азии) как бы укладываются в общее движение балканских языков к «усредненно-европейскому» типу (см. об этом также ниже 1.4).

В последние годы неоднократно подчеркивалась важная роль исследования относительно современных языковых контактов на Балканах для понимания процессов, приведших к возникновению БЯС.⁵² В этой связи материал современных влашских и балканских

⁵⁰ В «общецыганской» глагольной системе наряду с «общевропейскими» чертами сохранились и унаследованные индийские: наличие каузативной деривации, оживляющейся или затухающей в зависимости от языкового окружения, специфическая для индийских языков маркировка глагольных форм, в частности, имперфекта и плюсквамперфекта (см. Зограф 1976: 223-227), употребление нефинитных форм в аористе (ограниченное лексически).

⁵¹ В то же время цыганский характеризуется высоким уровнем свободы порядка слов. Эта черта отделяет цыганский от языков SAE и сближает его с «более или менее непрерывной зоной в Европе, простирающейся от северо-восточной Европы через славянскую зону на Балканы» (Kortjevskaja-Tamm & Wälchli 2001: 705).

⁵² «... современные контактные ситуации в Греции, когда современный греческий взаимодействует с арванитикой, тосским албанским диалектом, на котором в Греции говорят уже 600 лет, если не больше, или арумьским, романским языком, бытующим в Греции по крайней мере несколько столетий, могут пролить свет на образование Балканского языкового союза, так как эти, типично деревенские по своей сути ситуации приближаются к контактными ситуациям, имевшим место на Балканах около 600 лет тому назад так, как не могут приблизиться различные современные, городские по своей сути, литературные языки» (Joseph 2000с).

цыганских диалектов представляет достаточно большой интерес, сопоставимый с важностью материала «балканизованных» сербских диалектов для понимания более старых процессов балканизации болгарского (см. Соболев, 1990; 1991).

2. Благодаря работам ряда цыгановедов, в первую очередь Н.Борецки, мы довольно хорошо представляем себе, какие типы изменений распространены в цыганских диалектах (Boretzky 1999, Boretzky & Iglá 1991, см. также обобщающий обзор в Matras 2001: 191-213). Это, прежде всего, семантический сдвиг в сфере падежных и предложно-падежных конструкций и копирование аналитических конструкций окружающих языков. Среди последних выделяются следующие зоны, где иноязычное влияние проявляется особенно сильно:

- образование будущего времени;
- пермиссивные конструкции и периферийные формы императива;
- способы образования сложноподчиненных предложений.

Займствованные служебные слова как правило инкорпорируются в состав калькированных конструкций, наибольшее количество их мы имеем в

- суперлативных конструкциях;
- при образовании периферийных форм императива.

Займствованные деривационные морфемы представлены основном суффиксами – существительных и прилагательных – с диминутивным и ласкательным значением⁵³, а также некоторые моционные суффиксы, суффиксы *nomina agentis*⁵⁴ и т.п. Чрезвычайно распространено «гибридное» (калька + заимствование) образование неопределенных местоимений (СРД: *со-нибудь*).

Займствования флективных показателей редки и носят единичный характер.⁵⁵ Особняком стоят случаи заимствования

⁵³ Что, по-видимому, объясняется сочетанием их семантической прозрачности и особой прагматической выразительности, см. Dressler & Merlini Barbaresi 1994.

⁵⁴ В принципе, по этому параметру цыганский не превосходит другие европейские языки, подвергавшиеся сильному языковому воздействию (например, албанский).

⁵⁵ См., например, заимствование славянских глагольных окончаний в обособленном цыганском Доленском диалекте (Словения) (Matras 2001: 208).

славянских префиксов в некоторых (но не во всех!) диалектах, контактировавших со славянскими языками.

Встает вопрос о том, в какой степени мы вправе говорить об образовании контактным путем новых категорий в цыганских диалектах. В большинстве случаев интерференционного воздействия речь идет скорее о появлении новых способов выражения грамматических значений, уже как-то выражаемых в конкретном диалекте и до контактнообусловленного изменения.⁵⁶ Однако тут встает принципиально не решенный грамматической теорией вопрос о «соизмеримости» категорий, о том, что в сущности мы должны считать появлением новой категории, а что изменением значения или сферы употребления уже существующей. Другая проблема, встающая перед исследователем, – измерение уровня грамматикализованности (я касался этого вопроса на примере аналитической формы типа *лава тэ багав* «стану петь» в СРД).

В целом обращение к материалу цыганских диалектов подтверждает неоднократно высказывавшиеся соображения о реальности параметров, положительное значение которых облегчает реализацию иноязычного влияния в сфере грамматики (см. обсуждение этой проблемы, например, в Harris & Campbell: 122-136). Среди них:

- ясность и простота формального выражения значения (служебное слово > агглютинативный аффикс > флексия);
- ясность и однозначность значения;
- принадлежность явления к дискурсообразующей и эмотивной сфере языка;
- структурная близость конкретного фрагмента грамматической системы двух языков;
- ?? существенность данного явления для грамматики языка донора.

Надо отметить также следующее:

Подробный обзор подобных явлений в цыганских диалектах см. в Boretzky & Iglá 1991; Matras 2001: 207-209).

⁵⁶ Примером образования действительно новой категории является возникновение в цыганских диалектах Болгарии категории пересказывательности под явным болгарским влиянием (Boretzky & Iglá 1991: 46).

а) эти факторы действуют как при заимствовании значащих единиц, так и при семантическом сдвиге или структурном копировании;

б) как справедливо отмечали С.Томасон и Т.Кауфман (1988 *passim*) эти параметры носят континуумный характер; их отрицательное значение не блокирует возможность интерференции, а лишь затрудняет ее; чем сильнее контакт, тем больше вероятность их преодоления;

в) по крайней мере, некоторые из них сущностно связаны (это относится, прежде всего, к первым двум параметрам), что объясняется действием в грамматике принципа иконичности).

3. Важной проблемой, встающей перед исследователем цыганских диалектов, является стратификация представленных в них интерференционных явлений. Проблема эта актуальна для любого языка, подвергавшегося интерференционному воздействию. Для цыганского ее исследование осложняется тем, что при переходе цыганского диалекта от одного языка окружающего населения к другому происходит как бы вытеснение старых интерференционных явлений новыми. Этот вопрос очень подробно и детально исследован для лексики (см. об этом 2.2.1), но существует и для грамматического компонента. В целом, для конкретного цыганского диалекта легко выделяются старый, «общецыганский» интерференционный компонент и интерференционные явления, обязанные своим появлением языку актуального общения. Промежуточные компоненты выделяются со значительно большим трудом⁵⁷. В последнее время появились чрезвычайно интересные работы, пытающиеся "поймать" сам момент перехода с одного окружающего языка на другой (Halwachs & Heischenk 2000).

4. В целом, характеризуя СРД на фоне других цыганских диалектов, следует заметить, что он принадлежит, как уже отмечалось, к числу наиболее интерферируемых вариантов цыганского. Любопытно при этом, что, как и другие диалекты северной группы (см. Bakker 1999) СРД сочетает высокий уровень интерферируемости с целым рядом архаических грамматических черт:

⁵⁷ Ситуация облегчается, если диалект или группа диалектов находились в определенном иноязычном окружении длительное время, см., к примеру, сохраняющиеся румынские грамматические элементы в диалектах влашской группы, бытующих теперь в ином языковом окружении.

Консервативные черты СРД	Интерференционные явления
сохранение падежной системы	высокий уровень фонологической ассимиляции
скорее низкая степень упрощения и аналогического выравнивания в рамках именной и глагольной парадигм	интерференция на уровне морфосинтаксиса
хорошее сохранение адаптационного механизма в именной системе (см. 2.2)	высокий уровень смешения кодов, использование неадаптированных русских глагольных форм (см. 2.2)

1.4. Экскурс: о балканском языковом союзе

В последние десятилетия стал общим местом тезис о том, что балканистика как особая лингвистическая дисциплина находится в определенном кризисе. Кризис этот связан, как представляется, с тем, что чисто теоретический подход к трактовке сходжений между балканскими языками практически исчерпан (см., например. Десницкая 1979). Действительно, в целом не представляет собой проблемы понимание того, какой контактный *механизм* лежит в основе возникновения того или иного балканизма. Совсем другое дело вопросы о том, *когда* возник тот или иной балканизм, *какой* конкретный язык явился его источником, *какова* была контактная ситуация. Возможность ответа на эти вопросы затрудняется большими лакунами в ранней истории балканских языков. Остановимся лишь на некоторых проблемах балканистики, существенных для настоящей работы.

Надо заметить, что набор балканизмов не представляет собой пучка сущностно связанных между собой признаков. В историческом плане они в достаточной степени гетерогенны. Можно попытаться условно стратифицировать ареально существенные черты грамматического строя балканских языков.

I. Прежде всего, балканские языки демонстрируют на удивление большое количество признаков, объединяющих их с языками SAE ареала. Так, из 12 черт SAE языков, выделяемых М.Хаспельматом как наиболее существенные, один из ядерных балканских языков – албанский разделяет восемь:

1. Наличие определенного и неопределенного артиклей;
2. Относительные предложения, вводимые склоняемым относительным местоимением;
3. Аналитический перфект с глаголом обладания;
4. Экспериментер при аффективных глаголах выражен преимущественно номинативом;⁵⁸
5. Пассив, образованный при помощи причастия;
6. Преобладание антикаузативной деривации над каузативной;
7. Внешний поссессор выражен дативом;
8. Сравнительные конструкции, образуемые при помощи союза;
9. Эквативные конструкции образуются с помощью маркеров релятивного происхождения.⁵⁹

Таким образом, если опираться на вышеприведенные «изоглоссы», албанский несомненно относится к SAE ареалу, разделяя 8-9 из приведенных М.Хаспельматом 12 признаков.⁶⁰ Для сравнения можно отметить, что всеми двенадцатью признаками характеризуются лишь немецкий и французский языки – общепризнанно наиболее яркие представители SAE типа (ядро языкового союза *Карла Великого*, см. van der Auwera 1998: 823), английский разделяет 10 признаков. Другие балканские языки также разделяют значительное количество SAE признаков (по данным М.Хаспельмата, новогреческий – 10, румынский – 8, болгарский – 5⁶¹). В целом, балканские языки (возможно, без болгарского)

⁵⁸ Данный признак нуждается в дальнейшем уточнении, так как его значение может сильно колебаться в зависимости от того, какие глаголы будут включены в диагностический список.

⁵⁹ Список базируется на Haspelmath 2001 с определенными исправлениями и уточнениями, касающимися албанского материала. Надо отметить, что албанский разделяет и некоторые другие черты SAE языков: конъюнкция с помощью союза *и*; синкретизм комитатива и инструменталиса; отсутствие выражения противопоставления отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в именной группе; отсутствие оппозиции инклюзива – эксклюзива в первом лице плюралиса; отсутствие грамматической редупликации; базовый порядок SVO; специальная конструкция для отрицательного сочинения (Там же).

⁶⁰ *He* разделяет албанский отсутствия двойного отрицания при глаголе; отсутствие pro-drop и несовпадение рефлексивного и усилительного местоимения (Haspelmath 2001).

⁶¹ Эти данные, несомненно, нуждаются в уточнении, так как внимательное рассмотрение албанского материала позволило изменить значения по

оказываются более «европейскими», чем некоторые другие языки европейской периферии – прежде всего, балто-славянские, – и приближаются к скандинавским. Необходимо отметить также следующие моменты:

– большая часть приведенных признаков является в принципе в высокой степени контактноиндуцируемыми (это, несомненно, относится к признакам 3, 5, 7, 8, 9, возможно и к признакам, 2 и 4; из всего списка лишь преобладание антикаузативной деривации является, по всей видимости, достаточно стойкой языковой чертой⁶²);

– встает вопрос о времени и реальном пути появления этих черт («Кто у кого заимствовал», Haspelmath 2001: 1506). Сам Хаспельмат определял наиболее вероятное время формирования SAE союза как «эпоху великих миграций перехода от античности к средневековью» (там же), подчеркивая в то же время необходимость «считаться с возможностью (и даже с высокой вероятностью) того, что различные признаки SAE возникли благодаря различным историческим обстоятельствам» (Haspelmath 2001: 1506). Это время – впрочем, определяемое достаточно условно – совпадает с эпохой радикальной перестройки албанской звуковой и грамматической систем.

II. Что касается собственно балканизмов, то их можно разделить на несколько условных – и выделяемых по разным параметрам – групп (см. Русаков 2000б).

(i) *Балканизмы «коммуникативно-прагматического» происхождения*, возникающие “когда носители различных языков пытаются общаться друг с другом наиболее эффективным образом” (Friedman, 1994: 86). В.Фридман указывает, что место подобных балканизмов (самый яркий из них – местоименное удвоение дополнений) “в системе различных (балканских – А.Р.) языков может быть описано в терминах континуума”, в некоторых языках эти явления определяются прагматическими факторами, в других они более или менее грамматикализованы (там же).⁶³ По всей видимости,

крайней мере трех признаков, из приведенных Хаспельматом.

⁶² Ср. достаточно стойкое сохранение остатков каузативной деривации (варьирующееся в плане продуктивности по диалектам) в цыганском (Matras 2001: 122-125).

⁶³ На возможную связь некоторых общих свойств балканских языков (перенасыщенность текста служебными словами, в частности, клитиками)

балканизмы подобного типа могут распространяться достаточно быстро. К подобным “прагматическим” балканизмам относится, возможно, и балканский эвиденциалис, представленный в албанском, болгарском и македонском. Прямое влияние албанского на болгаро-македонский и наоборот более чем проблематично. В этой связи становится менее неправдоподобной возможность турецко-османского влияния (т.е. влияние прагматически доминантного языка, см. выше 1.3.7) на его возникновение и/или развитие (см. там же: 79-86), хотя детали этого процесса остаются неясными. Любопытно, что в балканских языках существуют и другие синтаксические черты, вероятно, османского происхождения, также относящиеся к “эмотивной” сфере функционирования языка (например, стилистически маркированное употребление некоторых существительных в функции качественных наречий). В целом эти явления имеют, по всей видимости, достаточно поздний характер.⁶⁴

(ii). «Диффузия процессов грамматикализации» (см. Dahl 2001: 1468-1470). К балканизмам такого рода относится, например, распространение аналитического будущего, образованного с помощью неизменяемой частицы, восходящей к глаголу желания. Данная конструкция типологически тривиальна, однако ее развитие демонстрирует высокую степень параллелизма в деталях и стадиях процесса грамматикализации в различных балканских языках. Вероятно это объясняется «импортированной» грамматикализацией (см. 1.3.2): относительно более грамматикализованные конструкции одного языка влияют на менее грамматикализованные конструкции другого, возникает своеобразная цепная реакция (см. Fiedler, 1989). По-видимому, таким образом могут быть объяснены многие из традиционных балканизмов.

(iii) Наконец, существует ряд явлений (традиционно включаемых в круг балканизмов), исторические обстоятельства

указывала Т.В.Цивьян (1979: 230, 284 и др.). См. также высказывание Дж.Николс: «местоименные клитики – это спонтанный ответ на языковой контакт» (Nichols 1992: 272).

⁶⁴ Хотя отдельные случаи местоименного удвоения объекта в балканских языках встречаются достаточно рано, по всей видимости это явление едва ли могло относительно стабилизироваться намного раньше середины второго тысячелетия н.э. (о местоименном удвоении в балканских языках см.: Лопашов 1978). Время окончательной стабилизации албанского адмиратива, по всей видимости, 16–17 вв. (см. Сытов 1979).

возникновения которых представляют серьезную проблему. Сюда относятся прежде всего чрезвычайно глубокие схождения в строении именной парадигмы и функционирования именной группы в целом, существующие между албанским и восточнороманскими языками, включающие, в частности:

- наличие в обоих языках постпозитивного артикля;
- сходство в строении падежной парадигмы, например, меньшее количество падежей в неопределенном склонении, нежели в определенном;
- наличие в посессивных конструкциях специального элемента, занимающего особую синтаксическую позицию, и в то же время согласующегося с ядерным словом в роде, числе, падеже и частично определенности/неопределенности (элемент этот абсолютно обязателен в албанском и синтаксически обусловлен в румынском);
- наличие аналогичного элемента в адъективной именной группе (в албанском он тождественен посессивному показателю, в румынском – нет);
- сходство в оформлении именной группы (маркируется падежными окончаниями и показателем определенности первый член синтагмы, независимо от того, выражен ли он прилагательным или существительным).

Часть этих сходств разделяет и болгарский.

При интерпретации этих схождений возникает несколько вопросов (об этой проблематике см. Çabej 1976, см. также Русаков 2002, 2004).

а) Поскольку они явно не случайны, встает вопрос о том, какой язык является источником влияния. Традиционно в качестве такового постулируется албанский, что определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, в албанском все вышеперечисленные явления выступают более последовательно и с меньшим диалектным разнообразием.⁶⁵

⁶⁵ Ситуация в румынском отличается значительным диалектным разнообразием как на уровне балканороманских «макродиалектов» (дакорумынского, мегленорумынского, истрорумынского), где генитивный артикль практически превратился в предлог, так и на уровне диалектов собственно дакорумынского (в большинстве диалектов – за исключением мунтянских – в генитивной конструкции мы имеем предлог *a*). Таким образом, на большей части балкано-романского ареала возобладала «романская» тенденция маркировки посессивных отношений (см. Kortjevskaja-Tamm 2002).

Во-вторых, – и это более существенно – то, что мы имеем в восточнороманском, достаточно сильно отличается от особенностей строения и функционирования именной группы в других романских языках.⁶⁶ Что касается болгарского, то имеются все основания полагать, что он мог испытать в этом плане влияние восточнороманского.

б) Если мы принимаем идею об албанском происхождении рассмотренных выше явлений (или части из них), то возникает необходимость понять, как возникла эта достаточно своеобразная система в самом албанском. Высказывались соображения как о типологически редком способе устройства генитивной конструкции, представляющем особый подтип *Suffixaufnahme* или двойного падежного согласования (Plank 1995: 75), так и об ареально относительно обособленном положении албанского (и румынского) в этом отношении среди языков европейского ареала (Koptjevskaja-Tamm 2003). При этом в историческом плане формирование албанской генитивной и адъективной именной группы имеет определенные индоевропейские параллели (формирование членных прилагательных в балто-славянском, противопоставления сильных и слабых прилагательных в связи с формированием категории определенности в германском, изафетных конструкций в иранском).

в) В последнее время предпринимаются попытки рассмотреть албанско-восточнороманские схождения в области имени на более широком ареально-типологическом фоне. Так, Ю.К.Кузьменко

⁶⁶ Возможное влияние албанского на восточнороманский в области именной группы лишь один фрагмент чрезвычайно сложной и, вероятно, ключевой для понимания особенностей возникновения феномена балканских языков, проблемы древних (прото)албанских/(прото)румынских контактов. Отнюдь не пытаясь решить здесь в целом вопросы, относящиеся к проблематике албано-румынских схождений, заметим, что их можно объяснить либо интенсивными контактами между предками албанцев и предками румын, либо тем, что предки албанцев и палеобалканское население, перешедшее затем на латынь, говорили на близкородственных диалектах. В сущности для решения вопроса о происхождении конкретного схождения точный ответ на вопрос о характере албано-румынского билингвизма не так уж важен. В любом случае мы имеем дело с интенсивным билингвизмом с доминированием одного из языков, а идет ли речь о палеобалканско(фракийско?)-латинском билингвизме у предков румын (субстрат) или протоалбанско-проторумынском билингвизме, не так существенно.

пытается объяснить возникновение постпозитивного артикля в и.-е. языках (балканских, скандинавских, армянском) контактным влиянием языков с посессивным склонением (Kuzmenko 2003). В отношении балканских языков речь идет о доосманских тюрках, исчезнувших на Балканах, не оставив существенных языковых следов. Посессивные суффиксы тюркских диалектов могли быть отождествлены с указательными местоимениями балканских языков, иногда оказывавшимися в постпозиции. Это отождествление (еще один случай межъязыкового реанализа!) могло привести к их закреплению в постпозиции, далее постулируются процессы грамматикализации, приведшие к современному состоянию.

Разумеется, гипотеза Кузьменко оставляет много нерешенных вопросов как исторического, так и собственно лингвистического характера. Один из самых главных – почему влияние, проявившееся главным образом в стабилизации определенного порядка значащих элементов, не выявилось на уровне порядка составляющих именной группы: в албанском и – в несколько меньшей степени – румынском порядок этих элементов (вершина – зависимое) прямо противоположен тюркскому. Не отвечает эта гипотеза и на вопрос о влиянии балканских языков друг на друга.

Отметим лишь, что и идея субстратного происхождения «албанизмов» в румынском, и соображения о (пра)албанско-(пра)румынском билингвизме, и теория о доосманском субстрате указывают на достаточно ранний период, кончающийся, по-видимому, с приходом на Балканы славян.

г) Вместе с тем, надо отметить, что балканские языки, действительно, территориально примыкают к обширному «изафетному» (в широком понимании термина, включая и тюркский посессивный изафет) ареалу, в тоже время отличаясь по способу выражения посессивных отошений от большинства европейских языков. Если все же видеть в ареальном распределении грамматических явлений отражение пусть древних, но конкретных контактных ситуаций и признать возможность хотя бы минимального «восточного» влияния на образование албанских и восточнороманских посессивных и адъективных конструкций, то мы получим достаточно любопытную с типологической точки зрения ситуацию: при определенном структурном подобии изафетные конструкции иранского типа представляют собой ярчайший образец вершинного маркирования в именной группе (ср. также вершинно

маркированные посессивные конструкции в семитских языках), соответствующие тюркские и венгерские конструкции могут быть охарактеризованы как отличающиеся двойным маркированием, тогда как балканские конструкции скорее сохраняют зависимостное маркирование (см. Koptjevskaja-Tamm 2002).

Очень перспективным представляется в этой связи сопоставление балканских черт с характерными языковыми чертами других ареалов Европы и – шире – Евразии. Внимательное ареально-типологическое рассмотрение циркумбалтийского ареала (Dahl & Koptjevskaja-Tamm 2001) показало, что имеются черты, объединяющие его с Балканским языковым союзом (в высокой степени свободный порядок SVO, возможно, наличие эвиденциала). Таким образом, оба ареала представляют собой как бы переходную зону между Standard Average European языковым типом и типом, представленным в центрально-евразийских языках (см. Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001 728-733, см. также прим. Error: Reference source not found)⁶⁷. При этом балканский ареал более втянут в SAE союз, чем языки северной части Восточной Европы.

2. О переключении кодов, смешении кодов и заимствованиях: пример СРД

2.1. О переключении кодов

Активное исследование *переключения кодов* (далее – ПК) продолжается около 40 лет и за это время сложилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину. В последнее десятилетие в изучении ПК происходит интенсивный процесс осмысления собранных эмпирических данных и предпринимаются попытки построения единой теории. К сожалению, как это часто бывает в нашей науке, предлагающиеся подходы не только полемичны по отношению друг к другу, но и оперируют разными терминологическими микросистемами. Даже объем самого термина ПК трактуется различными исследователями по-разному, хотя на имплицитном уровне⁶⁸ существует определенное единство осмысления ПК как своего рода понятийной области: под ПК в

⁶⁷ Ср. в этой связи окказиональное появление изафета турецкого типа в чрезвычайно сильно интерферированных говорах малоазийских греков (Thomason & Kaufman 1988: 220).

широком смысле понимают использование билингвами в одном речевом акте единиц, относящихся к разным языковым системам⁶⁹.

Ниже я попытаюсь рассмотреть некоторые понятия, выработанные исследованием переключения кодов и – как представляется – вошедшие в базовую⁷⁰ лингвистическую теорию. При этом будет иметь смысл посмотреть, как эти понятия осмысливаются (и терминологически определяются) в наиболее значительных современных работах. В качестве таковых будут использованы работы (Myers-Scotton 1993a, b; 2002; Muysken 1995, 2001; Auer 1998; Poplack & Meechan 1995). Будут рассмотрены положения, необходимые для дальнейшего анализа конкретного языкового материала.

1. Важным положением, существенным для понимания сущности разных типов ПК, является выдвинутое К.Майерс-Скоттон противопоставление «*маркированного*» и «*немаркированного выбора*» при ПК (marked choice – unmarked choice, Myers-Scotton 1993a, 1993b: – 484): «немаркированное переключение кодов имеет место тогда, когда говорящий следует установившемуся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего; маркированное переключение имеет место в том случае, если говорящий... сознательно производит переключение таким образом, что это замечается собеседником как отклонение» (Головко 2001: 299), маркированное переключение осуществляется с целью добиться наибольшего результата от данного коммуникативного акта (Myers-Scotton 2003: 46). Е.В.Головко предлагает в рамках немаркированного выбора выделить особый подтип – *немотивированное* ПК, особую

⁶⁸ Среди исследователей ПК нет согласия даже относительно того, как следует писать этот термин: codeswitching, code-switching или code switching (см. довольно длительную дискуссию по этому вопросу на специальном форуме, посвященном ПК, в Интернете: <http://groups.yahoo.com/group/code-switching>).

⁶⁹ Пожалуй, несмотря на сугубую антропоцентричность большинства исследований, посвященных ПК, в данном контексте правильнее говорить именно о разных языковых *системах*, так как принадлежность данного элемента в реальном речевом акте тому или иному коду бывает не очевидна (см.ниже).

⁷⁰ Понятие, предложенное Р.Диксоном, понимавшим под ним совокупность общепризнанных фактов и положений о языке, разделяемых лингвистами независимо от их теоретических *воззрений* (Dixon 1997).

ситуацию, при которой речь с ПК является нормальным средством общения и переход с одного языка на другой (или вставки элементов одного языка в другой) могут происходить в разных местах предложения и не определяются вообще никакими ожиданиями слушающего (Головки 2001: 301). Такому определению близка позиция Питера Ауэра, предлагавшего отличать от ПК «случаи соположения двух языков, в которых их использование имеет для носителей не локальный, но более глобальный смысл», т.е. определяется не конкретными особенностями ситуации, а тем, что такое использование языков принято в данном сообществе (Auer 1998: 1). Последнее явление Ауэр называет *языковым смешением (language mixing)*.

2. Еще на заре изучение ПК было противопоставлено ПК на границе предложений (intersentential CS) и ПК внутри предложения (intrasentential CS). Это противопоставление существенно для всех теорий, рассматривающих ПК, но трактуется оно весьма различно. Так, К.Майерс-Скоттон, рассматривая «внутриретенциальное» ПК⁷¹ отдельно, тем не менее, объединяет оба вида ПК, рассматривая его как внутренне единое явление⁷². П.Мэйскен, напротив, противопоставляет оба явления и называет ПК внутри предложения смешением кодов (code mixing), хотя и подчеркивает, что между ПК на границе предложений и (некоторыми видами) смешения кодов нет принципиальной разницы (Muysken 2000: 4).

3. К.Майерс-Скоттон ввела важное противопоставление языков, участвующих в «внутриретенциальном» ПК, противопоставив *матричный язык (matrix language, ML) включенному языку (embedded language, EL)*. Тем самым для *всех* случаев ПК внутри предложения постулируется основной язык, язык грамматической рамки предложения, язык к которому относится, как правило, большая часть лексики и грамматические морфемы⁷³ (ML) и язык (EL), “из которого

⁷¹ К сожалению, русская терминология ПК совершенно не разработана (см. Казанский 2001).

⁷² Начиная с 1993 г., Майерс-Скоттон рассматривает в качестве арены действия “intrasentential CS”, не предложение (sentence), а «максимальную проекцию комплементаризера» (CP), что связано с общей теоретической направленностью ее взглядов, но принципиальных изменений в ее теорию это не внесло.

⁷³ Кроме так называемых EL islands – цельных составляющих из «включенного языка», оформленных грамматическими морфемами этого

делаются вставки” (Головко 2001: 300). Напротив, П.Мэйскен выделяет внутри “внутрисентенциального” ПК два принципиально разных явления: “*включение*” (insertion) материала (лексических единиц или целых составляющих) из одного языка в структуру другого языка и «*альтернацию*» (alternation) между структурами из языков (Muysken 2000: 3).⁷⁴ Как мы видим, между взглядами К.Майерс-Скоттон и П.Мэйскена существуют не только терминологические, но и достаточно глубокие сущностные противоречия: речь идет о разном представлении характера протекания процессов порождения речи при ПК⁷⁵.

4. Наконец, весьма важна проблема отграничения изолированных внедрений элементов из другого языка при ПК от заимствований. Здесь также существуют разные точки зрения. К.Майерс-Скоттон, признавая отличия ПК от заимствований, отмечает, что нет надежного критерия для их разграничения в конкретных билингвальных текстах (Myers-Scotton 1993b). С.Поплак вводит специальный термин *nonce-borrowing* («заимствования *ad hoc*», ср. «спонтанные заимствования» – термин, введенный для того же самого явления К.Пфафф, Pfaff 1979) для обозначения изолированных лексических элементов одного языка, вводимых в текст на другом языке, но не закрепленных в лексиконе этого другого языка. В рамках «внутрисентенциального» ПК она различает *nonce-borrowing*, *constituent insertion* и ПК альтернативного типа (Poplack & Meechan 1995). П.Мэйскен объединяет *nonce borrowing* с другими видами *включения* (Muysken 2000: 72-81)⁷⁶.

языка. Надо заметить, впрочем, что с годами в попытках инкорпорировать многочисленные контрпримеры теория Майерс-Скоттон все более усложняется. В ее последних вариантах требование принадлежности грамматических морфем к матричному языку выступает в более дифференцированном виде (Myers-Scotton 2002: 73-86).

⁷⁴ Альтернация является единственным механизмом при ПК на границе предложений. О третьем типе «смешения» кодов, выделяемом Мэйскеном, – «*конгруэнтной лексикализации*» см. ниже.

⁷⁵ К.Майерс-Скоттон прямо апеллирует к процессам порождения речи в своей теории, П.Мэйскен в целом ограничивается «системоцентрическими» аргументами, но несомненно и для него при противопоставлении *включения* и *альтернации* речь идет о разных процессах речепорождения.

⁷⁶ При любой интерпретации *nonce borrowing* перед исследователями встает проблема – в принципиальном виде не решенная, а может быть, и не решаемая – как отличать их от заимствований, инкорпорированных в

При дальнейшем изложении я буду придерживаться следующей системы терминов и понятий.

Я буду различать переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства от говорения на одном языке с включением элементов другого языка. Первое явление я буду называть *переключением кодов (ПК)*, второе *смешением кодов (СК)*.⁷⁷ Одна из основных целей последующего изложения – доказательство того, что у нас есть определенные критерии для разграничения этих двух явлений в СРД и что эти критерии, имея собственно лингвистический характер (они могут быть извлечены из текстов), отражают существенные особенности речевой компетенции носителей СРД. С теоретической точки зрения этот подход наиболее близок взглядам П.Мэйскена.

Для СК реальным является понятие матричного языка.

СК, по всей вероятности, всегда является немотивированным, что касается ПК, то оно в СРД, как кажется, может быть и мотивированным, и немотивированным.

2.2. О смешении кодов и переключении кодов в СРД

2.2.1. О механизме адаптации заимствований в цыганском вообще и в СРД, в частности

Важной особенностью строения лексикона в цыганских диалектах Европы является четкое и последовательное противопоставление двух частей лексикона: исконной лексики и заимствований. Эти части лексикона различаются в двух аспектах.

1. Исконные лексические элементы и заимствования обладают принципиально разной степенью устойчивости. Исконная лексика представляет собой своего рода замкнутую подсистему, относительно устойчивую и сравнительно хорошо сохраняющуюся в цыганских диалектах. Совсем по-другому ведут себя заимствования. Неоднократно отмечалось, что замене прежде всего подвергаются слова, заимствованные из языка предыдущего языкового контакта

лексикон.

⁷⁷ Возможно, более правильно было бы называть подобное состояние *смешанным кодом*, однако в лингвистической контактологии прочно закрепился термин *смешанный язык*, относящийся к идиомам другого типа (см. ниже 2.3), и подобное употребление может привести к путанице. Кроме того, я исхожу из положения о том, что при говорении по-цыгански с СК в языковом сознании носителя СРД активированы два языка.

данного диалекта (Boretzky 1996: 111, см. также Boretzky 1989; Matras 1996).⁷⁸

2. Заимствованная лексика оформляется особыми грамматическим аффиксами, несвойственными исконной лексике, и входит в особые словоизменительные классы (см. Boretzky & Iglá 1991, Bakker 1997).⁷⁹ Как правило, эти адаптационные форманты либо являются заимствованными, либо представляют собой контаминацию исконных и заимствованных элементов. Анализируя особенности адаптации турецких заимствований в ряде греческих диалектов, П.Баккер приходит к выводу о том, что и сам механизм адаптации, и конкретные морфемы, используемые при этом процессе, очень напоминают то, что мы имеем в аналогичных ситуациях в цыганском (Bakker 1997). Идея автора заключается в том, что цыганский заимствовал из греческого не просто адаптационные морфемы (что отмечалось исследователями еще в 19 веке), но и сам адаптационный механизм. Следует заметить по этому поводу, что, несмотря на всю перспективность подобной постановки проблемы, анализируемый материал все же нуждается в дальнейшем осмыслении. Материал греческих диалектов, приводимый в статье, показывает, что в данном

⁷⁸ Разумеется, картина, представленная таким образом, является несколько огрубленной. С одной стороны, слова исконной части лексикона мало-помалу все же вытесняются заимствованиями. С другой стороны, часть заимствованной лексики сохраняется и при смене окружающего языка. Особенно это относится к части старых новогреческих (общих для всех цыганских диалектов) и румынских (общих для влэшских и некоторых других диалектов) заимствований, но сохраняются заимствования и из других языков. Так, в СРД *регулярно* употребляются следующие славизмы нерусского происхождения: *глос* «голос», *длуго* «длинный», *здорово* «здоровый», *свэнко* «праздник», *свэнто* «святой», *скэмпо* «святой», *строна* «сторона», *сэндо* «суд», *чебинэс (чейна)* < польск. *trzeba* «надо, нужно» – все из польского, *грубо* «толстый» (судя по семантике, из польского или белорусского), *блата* «грязь, болото», *прахо* «пыль, песок, пепел» – из южно-славянских языков, *брэго* «берег», *длэнго* «длинный» – слова неопределенного славянского происхождения, но не русские. Сохранилось также несколько немецких заимствований (например, *фэлда* «поле»).

⁷⁹ В современном англоязычном цыгановедении для обозначения формальной морфологии заимствований используется не слишком удачный, по моему мнению, термин *атематическая* морфология, противопоставленный *тематической* морфологии, относящейся к исконным словам (см. Matras 2001: 73).

случае адаптации подвергается этимологически единая группа лексики (турецкая), подобная ситуация в принципе встречается при языковых контактах. Уникальность цыганского заключается в том, что выработанный им адаптационный механизм продолжает действовать практически без исключений в большей части диалектов уже в течение нескольких столетий и применяется к лексике заимствованной и заимствующейся из самых разных языков⁸⁰. Любопытно отметить в этой связи, что значительная часть заимствований из греческого (так же как ранние иранские и армянские заимствования) трактуется в цыганском как исконная лексика. Это указывает на то, что адаптационный механизм в современном виде возник не на начальном этапе контактов с греческим, но уже после того, как была заимствована часть греческих лексических элементов.

Рассматривая способы грамматического оформления заимствованных слов в целом, мы видим две тенденции. Первая заключается в формальном обособлении заимствованной лексики от исконной. Вторая тенденция выражается в том, что иноязычные заимствования подвергаются определенным преобразованиям, в результате которых они становятся все же цыганскими словами, хотя и отличающимися от исконной лексики. В целом можно сказать, что в цыганском имеется достаточно гибкий механизм адаптации иноязычной лексики. Внутри цыганского лексикона существует особый компонент, состоящий из заимствований, формально отличающийся от исконной лексики.⁸¹ В СРД действует упомянутый нами выше адаптационный механизм, придающий, русским

⁸⁰ Примеры специфической адаптации какой-нибудь *одной* группы заимствованной лексики встречаются довольно часто, см., например, оформление заимствованных французских глаголов в голландском специальным суффиксом *-er-*, не распространяющееся на английские глаголы (Muysken 2000: 191-192).

⁸¹ Это, по-видимому, способствует сохранению в условиях экстремальных языковых контактов собственно цыганского языкового наследия и в то же время дает возможность неограниченно заимствовать лексику из местных языков, сменяя при миграциях целые лексические пласты. Другой вопрос, как реально формировался данный механизм. Вероятно, здесь имела определенная когнитивная база: по крайней мере в какой-то период времени для цыган было важно отличать *свою* лексику от *чужой*. См. в этой связи соображение Т.В.Цивьян о том, «что механизм БЯС основан на симбиозе похожести и непохожести балканских языков» (Цивьян 1979: 266).

заимствованиям цыганский характер. Ограничимся лишь самой общей его характеристикой.

В номинативе единственного числа заимствованные существительные мужского рода принимают окончания *-o* (русские существительные среднего рода при адаптации входят в класс существительных мужского рода), женского рода – *-a*, ударение в заимствованных существительных не может падать на последний слог, поэтому в соответствующих случаях происходит перенос ударения на последний слог основы. В косвенных падежах единственного числа заимствованные существительные мужского рода маркируются формантом *-oc*, женского рода – *-a* без смягчения предшествующего согласного. Во множественном числе существительные всех родов принимают в номинативе окончание *-ы*, в косвенной форме формант *-эн* (без смягчения предшествующего согласного). Заимствованные прилагательные образуют в СРД, как и в других цыганских диалектах, особый словоизменительный класс, маркерами которого служат возможный перенос ударения и отсутствие различий между формами мужского и женского рода (в исконных прилагательных данное различие сохраняется), в косвенных падежах перед окончанием вставляется суффикс *-он-*. Русские глаголы при адаптации маркируются специальным суффиксом *-ин*, вставляющимся между основой русского глагола и цыганскими словоизменительными элементами.

В целом в СРД мы можем наблюдать таким образом адаптационный механизм, типичный для цыганских диалектов.

2.2.2. СРД: имя и глагол (смешение кодов)

Мы имеем здесь, однако, одну любопытную особенность. Русские имена употребляются в цыганской речи носителей СРД практически всегда в адаптированной форме:

(28) *ту джэса дэ форо... пэскирэ **подругэнца** уже* (EP84)
«ты пойдешь в город... со своими подругами уже»

Напротив, русские глаголы употребляются по большей части в неадаптированной форме и спрягаются по русской модели:

(29) *ту **поедешь** дэ форо*, пишем по-романэс (EP84)
«ты поедешь в город пишем по-цыгански»⁸²

⁸² Так, в синтаксическом вопроснике (экспедиция 1984-88 гг.) мы имеем 103 случая неадаптированного употребления русских глагольных форм на 17 случаев адаптации. В одном из записанных текстов на 35 случаев

Возникает естественный вопрос: как интерпретировать разницу в употреблении в речи носителей СРД русских неадаптированных глаголов и русских существительных и прилагательных, подвергающихся адаптации. Ограничимся самыми краткими соображениями (см. Русаков 1998, Rusakov 2001).

Я исхожу из предположения (базирующегося, как представляется, на необходимости построить простую и антропоцентрически правдоподобную модель), что случаи употребления русских имен и глаголов в СРД представляют собой явления одного лингвистического порядка. В обоих случаях мы имеем дело с проявлениями одного и того же механизма, позволяющего носителям СРД употреблять в своей речи на цыганском языке практически любые русские слова (об исключениях из этого правила см. ниже). В случаях употребления русских имен в грамматике нативных носителей СРД имеется дополнительное правило, действующее, по всей вероятности, как на уровне лексикона, так и на уровне порождения высказывания.

Последнее подтверждается, вероятно, и случаями независимой адаптации форм единственного и множественного числа существительного: *друго, друзья*.

2.2.2.1. О причинах разной трактовки заимствованных имен и глаголов в СРД

Особый интерес представляют причины различной трактовки русских имен и глаголов. В литературе неоднократно отмечалось, что имена и глаголы ведут себя при заимствовании по-разному⁸³ (см. также выше 1.3.4.). В крайней форме это было выражено в известном постулате Э.Моравчик, отрицавшей вообще возможность непосредственного заимствования глаголов (Moravcsik 1978). Эмпирическая несостоятельность этого постулата неоднократно отмечалась (Trask 1996; Harris & Campbell 1995: 135), однако действительно имена заимствуются чаще, чем глаголы. Это во многом определяется очевидными обстоятельствами семантического порядка. Однако семантика не объясняет того, почему многие языки избегают

неадаптированных глагольных форм не приходится ни одного случая адаптации.

⁸³ Своеобразную «вершину» этого явления мы видим в двух наиболее известных смешанных языках – мичифе и медновском, где именная и глагольная системы генетически гетерогенны, хотя и по-разному.

«прямого» заимствования глаголов, используя вместо этого разнообразные конструкции типа «собственный вспомогательный глагол + заимствованное глагольное имя / нефинитная глагольная форма». Часто глаголы заимствуются в виде неизменяемой формы (bare forms). Подробный анализ способов оформления заимствованных глаголов дается в (Muysken 2000: 185-220). При этом он не включает в свой обзор случаи неадаптированного использования спрягаемых форм иноязычных глаголов. Между тем, примеры такого употребления отнюдь не ограничиваются СРД. Так, неадаптированное использование русских и украинских глаголов фиксируется в некоторых других цыганских диалектах, в частности, в исследованных А.П.Баранниковым говорах южнорусских и украинских цыган (см. Barannikov 1934: 139 и др.). Встречаются подобные явления и за пределами цыганских диалектов, например, они довольно характерны для некоторых немецких говоров на территории бывшего Советского Союза (см. Верещагин 1965; см. также Смирницкая, Баротов 1997: 83-96). Неадаптированное использование русских глаголов встречается в ижорском языке (Николаев 2002). Вообще, складывается ощущение, что это явление характерно при использовании в СК именно русских (или восточнославянских?) глаголов. В то же время для достаточно большого количества цыганских диалектов СК такого типа не является характерным.

Весьма интересна ситуация в цыганских диалектах кабуджи в Албании и диалекте Айи Варвары в Греции (см.: Cortiade 1992; Messing 1988; Iglu 1996). Когда-то носители этих диалектов находились в тесном контакте с носителями турецкого языка. В настоящее время турецкий язык (и то достаточно плохо) знают лишь представители старшего поколения носителей этих диалектов (см.: Cortiade 1992: 8; Messing 1988: 27-28). Тем не менее, и в том, и в другом диалекте в настоящее время достаточно часто используются турецкие по своему происхождению глаголы в турецком же грамматическом оформлении. Можно предположить, что на более ранних этапах истории этих диалектов в период интенсивных контактов с турецким языком в них были распространены явления СК с употреблением неадаптированных глаголов. После окончания этих контактов произошло нечто, аналогичное грамматикализации, – турецкие глаголы, став настоящими заимствованиями, составили отдельную парадигму. Любопытно, что современное состояние обоих

диалектов как будто бы не характеризуется СК подобного типа: в них не засвидетельствованы неадаптированные заимствования ни из албанского, ни из греческого, соответственно.

Чем определяется такое особое поведение глагольной лексики? Причины этого могут крыться в типологической дистанции между языком-донором и языком-реципиентом. Однако имеются примеры «нормальной» адаптации глагольной лексики и при достаточно большой типологической дистанции между языками (см. в этой связи адаптацию английских глаголов в тагалог и амхарском, Muysken 2000: 192). Вместе с тем, неоднократно обращалось внимание на то, что для адаптации глаголов в виде *bare forms* или в составе аналитической конструкции в принимающем языке должны быть конструкции, которые позволили бы включать в себя заимствованные глаголы, см. в этой связи наличие подобных конструкций в тюркских языках, в новоиндийских языках и т.п.⁸⁴ Однако присутствие таких конструкций объясняет возможность подобной адаптации, но отнюдь не выбор в ее пользу по сравнению с адаптацией «обычного» типа.

Проблеме особого поведения глагольных форм при заимствовании и ПК уделяет большое внимание в своей последней книге К.Майерс-Скоттон. Она приводит несколько соображений, долженствующих объяснить трудности при заимствовании глаголов:

– в отличие от имен, глаголы «приписывают тематические роли ([+thematic role assigner]) и тем самым несут с собой больший «синтаксический багаж», чем имена, вследствие чего труднее осуществить их «подгонку» (*fit*) к принимающему языку» (Myers-Scotton 2002: 76);

– причиной частого использования глаголов «включенного» языка в конструкциях с вспомогательным глаголом матричного языка может быть «конфликт между направлением ветвления в матричном языке и включенном языке» (Там же: 162);

⁸⁴ Любопытно, что для адаптации глагольных заимствований в цыганских диалектах практически не используется чрезвычайно распространенная в новоиндийских языках конструкция «полувспомогательный глагол *kar* + глагольное имя», следы ее можно найти в некоторых конструкциях с собственно цыганским лексическим наполнением (СРД *te keres buti* «работать»), но они весьма немногочисленны и в большинстве диалектов не продуктивны. Это достаточно хорошо согласуется с нашими представлениями об отходе цыганского от новоиндийского типа в плане строения и функционирования системы глагола.

– редкость употребления адаптированных глагольных форм может объясняться и "отсутствием конгруэнтности между видо-временными системами" (Там же: 138).

По всей видимости, для ситуации в СРД может быть актуальным третье соображение. Действительно, русская глагольная система все же достаточно сильно отличается от цыганской. Одна из зон «неконгруэнтности» и способы ее преодоления были рассмотрены в разделе о русских префиксах. Другим моментом является принципиально разное устройство систем настоящего-будущего и прошедшего времен в русском языке и, в частности, несоответствие категориального наполнения форм русского прошедшего времени и претерита СРД. Вопрос о том, могла ли эта разница в парадигмах прошедшего времени способствовать отказу от адаптации русских глагольных форм и предпочтению употребления их в неадаптированном виде, нуждается в дальнейшем осмыслении.

Возможно, впрочем, что объяснение лежит и в большей простоте адаптационного механизма у имен. Действительно, для слов мужского рода адаптационный механизм состоит в простом добавлении суффикса *-o* к исходной форме, для имен женского рода лишь в применении в необходимых случаях простого акцентного правила. Цыганское имя имеет простую агглютинативную структуру, и образование форм косвенных падежей сводится к добавлению падежных аффиксов к адаптированной исходной форме⁸⁵. Прилагательные также адаптируются заменой русского окончания цыганским. Адаптационный механизм для глаголов более сложен, он должен включать вычленение русской глагольной основы, непростую операцию, если учитывать чрезвычайно сложный характер русской глагольной морфонологии. Цыганская глагольная парадигма также определяется скорее сложными морфонологическими правилами.

Другую сторону проблемы неадаптированных глагольных форм составляет вопрос о том, можем ли мы считать это явление одним из признаков языковой смерти (см. Dressler 1996). Этого вопроса я кратко коснусь ниже.

⁸⁵ Следует заметить, что для имени исходная форма, по всей вероятности, представляет собой психолингвистическую реальность. В СРД имеется ряд русских заимствований типа *клинко* из русск. *клинок*, где выпадение «беглой» гласной говорит о том, что адаптационные операции могут все же применяться не к исходной форме, а к основе. Тем не менее, и основа у русских существительных вычленяется достаточно просто.

2.2.3. О грамматической модели смешения кодов в СРД

1. В научной литературе неоднократно ставился вопрос о том, лежит ли в основе подобного "смешанного кода" одна глубинная грамматика или две грамматики с определенными правилами перехода от одной к другой (2.1.). Представляется, что для сильно интерферированного языка, каковым является СРД, подобный вопрос как бы снимается. Для СРД мы можем констатировать практически полное совпадение его поверхностных синтаксических структур с соответствующими русскими. Предложение в СРД как бы представляет собой просодическую, синтаксическую и семантическую рамку, совпадающую с соответствующим русским предложением⁸⁶. В эту рамку можно с успехом "вставлять" как цыганские, так и русские лексические элементы, причем русские слова могут употребляться в русском же грамматическом оформлении.

Подобную ситуацию, впервые описанную, по всей видимости, Л.В.Щербой (Щерба 1916), П.Мэйскен называет *конгруэнтной лексикализацией* вида в ней, наряду с *включением* и *альтернативой* третий тип СК (Muysken 2000). Как кажется, несмотря на реальное существование данного явления, оно скорее представляет собой определенную ситуацию, в рамках которой может иметь место как альтернатива, так и включение, ситуацию, определяющую особенности реализации как того, так и другого.

Так же точно я буду воздерживаться и от употребления термина *смешанный матричный язык*, введенного К.Майерс-Скоттон (Muysers-Scotton 1998, 2000) и обозначающего матричный язык, подвергшийся сильной конвергенции со стороны включенного языка (EL). В результате грамматическая рамка включает в себя элементы абстрактной структуры EL. Тем самым включение слов и морфем из EL облегчается, так как они легче проходят проверку на конгруэнтность.

В принципе понятие *смешанный матричный язык* близко используемому П.Мэйсенем понятию *конгруэнтной лексикализации*. Есть, однако и существенное различие. Мэйскен не ограничивается случаями уподобления грамматических структур двух языков в

⁸⁶ См. аналогичные взгляды, высказывавшиеся Пфафф относительно условий, благоприятных для осуществления переключения кодов (Pfaff 1979, ср. Thomason & Kaufman 1988: 154).

результате конвергенции, но включает сюда и случаи, когда "языки демонстрируют общую грамматическую структуру предложения" (Muysken 2000: 122) по другим причинам (например, в силу их близкого родства). Таким образом, Мэйскен рассматривает данное явление строго синхронно, не обращая внимания на его потенциально различный генезис, в то время как Майерс-Скоттон, напротив, исследует его диахронически как результат конвергенции, не учитывая, как представляется, что подобное состояние может быть достигнуто в результате принципиально иного сценария. Ключом решения проблемы могло бы быть сравнение ситуаций переключения кодов в случаях, когда грамматические структуры двух языков сближаются в результате конвергенции, и в случаях, когда подобная близость задана заранее

Еще одно соображение. Говоря о смешанном матричном языке, Майерс-Скоттон характеризует его как отступление от "идеального матричного языка", объясняющееся отсутствием достаточного доступа (*sufficient access*) к последнему. Это, по всей видимости, вполне подходит к случаям индивидуальной потери родного языка. Гораздо сложнее дело обстоит в случаях конвергенции в языковой истории. Так, анализ функционирования цыганских диалектов и, в частности СРД, показывает, что их носители в каждый момент времени имеют полный доступ к своему родному языку. Другое дело, что сам этот язык изменился и сузил сферу своего функционирования под влиянием языка окружающего населения (часто доминирующего).

Несомненно, что, невзирая на все конвергентное развитие СРД под влиянием русского, он воспринимается нативными носителями как код, резко отличный от последнего и противопоставленный ему (подробнее см. Rusakov 2003).

2. Предположение о том, что случаи, которые мы определяем как СК, можно интерпретировать как говорение по-цыгански с неограниченным включением русских лексических элементов подтверждается (по крайней мере, косвенно) языковой рефлексией носителей СРД. В ответах на синтаксическую анкету, которые предполагают говорение по-цыгански *par excellence*, встречается большое количество русских неадаптированных лексических элементов:

(30) *мэ тася поеду дэ форо*
«я завтра поеду в город»

При этом подобные ответы часто сопровождаются комментариями типа:

(31) *у нас так и говорят: поеду,*

свидетельствующими, с одной стороны, о том, что случаи СК не меняют цыганский характер текста, с другой стороны, что "русскость" вставных элементов вполне осознается. Языковая рефлексия, провоцируемая ситуацией перевода с русского на цыганский, приводит к тому, что информанты начинают подбирать варианты, стараясь избежать русских элементов:

(32) *атася мэ поеду дэ форо, атася мэ джава дэ форо, можно сказать, со традава дэ форо атася*

«завтра я поеду в город, завтра я пойду в город, можно сказать, что поеду в город завтра»

Часто подобный подбор вариантов также сопровождается комментариями на русском языке:

(33) *А как быстрей так и говорят*

(34) *Мы русские цыгане, у нас много русских слов*

(35) *Редко, кто знает чисто цыганский язык, потому что мы живем среди русских и уже как-то само по себе слова перепутались*

Интересно при этом, что как русские включения опознаются не только неадаптированные, но и адаптированные русские лексические элементы:

(36) *псирлас, ходинэ – это по-русскому (ходинэ – адаптированная форма русск. глагола ходить).*

Это косвенно подтверждает высказанную выше гипотезу об "одноуровненности" бытования в СРД неадаптированных глаголов и адаптированных существительных и прилагательных.

2.2.4. О ясных случаях переключения кодов в СРД

Может быть, еще более очевидно "единый" характер кода с включенными русскими элементами выступает при сравнении с безусловными случаями переключения кодов. В текстах, записанных нами, встречается достаточно большое количество случаев, когда рассказчик, рассказывая по-цыгански, переходит на русский язык, а затем обратно.

Можно выделить достаточно четко моменты, определяющие это переключение. Здесь следует отметить прежде всего переключение

кодов в момент перехода от собственной речи рассказчика к прямой речи персонажа⁸⁷:

(37) *Якэ ев авья, стадина нахмурено лэстэ, надвинуто по шэро и до зало дорик, когда ев дэ пэскири комнато, о рай пал: ну што, што Петр, што ты такой? Как што, ведь она меня выгнала, вон отлупили меня плетками...*

«Ну вот он пришел, шапка напялена у него, надвинута на голову, и в зал туда, когда он в свою комнату, а граф к (нему):»

Такое переключение встречается очень часто в текстах повествовательного характера (рассказах, сказках и т.п.). В рассказах, записанных нами, с переходом к прямой речи связано подавляющее большинство случаев типичного переключения кодов. Анализ подобных случаев показывает, что чаще всего это происходит с прямой речью персонажей-нецыган⁸⁸. Таким образом, переход на русский язык может объясняться прагматически. Однако отнюдь не всегда переход к прямой речи персонажей нецыган сопровождается переключением кодов. Представляется, что подобные случаи переключения играют своеобразную стилистическую роль, маркируя контраст между прямой речью персонажей (в том числе сказочных) и речью рассказчика. Любопытно, что часто такой переход совершается в наиболее важных, кульминационных моментах рассказа. Так, в одной из записанных быличек на довольно распространенный сюжет о погребении живого человека мы имеем лишь один случай перехода на русский язык – в кульминационный момент истории: закопанный заживо парень обращается к откопавшим его грабителям. И это при достаточно многочисленных случаях употребления прямой речи (передающейся по-цыгански независимо от национальной принадлежности говорящего персонажа). В этой связи стоит указать и на то, что часто переключением на русский язык маркируется и окончание рассказа:

(38) *на этом и кончилось* и т.п. (А)

⁸⁷ Отметим, однако, что большинство анализируемых текстов достаточно однородны в жанровом отношении и представляют собой рассказы на определенную тему: сказки, былички, рассказы о жизни и т.д.

⁸⁸ Следует заметить, однако, в этой связи, что "гадже" (не-цыгане) вообще являются очень распространенными персонажами цыганских историй и в двух самых больших по объему наших текстах ("История графа Черного" и "История о брате и сестре") вообще не действуют цыгане.

Подтверждением того, что переключением кодов в рассказе маркируется стык стилистически различающихся фрагментов текста служит и имеющиеся в наших записях примеры перехода на цыганский язык в начале прямой речи:

(39) *Они- то обняли ее и начали плакать: со туса кэрдяпэ мри чыйори*

«...что с тобой сделалось, дочка?»⁸⁹

Интересен вопрос о том, насколько осознанно осуществляется подобного рода переходы. Довольно типична ситуация, когда рассказчик после перехода на русский язык в прямой речи достаточно долго продолжает рассказ по-русски уже после того, как прямая речь закончилась, а затем как бы спохватывается и после паузы переходит на цыганский.

Вообще, после прослушивания цыганских текстов возникает впечатление, что рассказчику в известном смысле все равно на каком языке рассказывать, и переход с одного языка на другой осуществляется скорее в связи с потребностью стилистически разнообразить текст, а не вследствие осознанного стремления произносить определенные в жанровом отношении куски текста именно по-цыгански или по-русски⁹⁰. Однако сам переход осуществляется в определенные моменты рассказа (прямая речь, комментарии к тексту и т.п.). При этом рассказчик, конечно, в каждый момент времени способен осознать, на каком языке он говорит, хотя, по всей видимости, может как бы забыть, перейдя в нашем случае на русский, о первоначальной установке на говорение по-цыгански.⁹¹

Несколько иную картину мы имеем в текстах бытового характера – достаточно аморфных по форме рассказах не о каких-нибудь конкретных жизненных эпизодах, а о жизни вообще. Здесь переход на русский язык определяется, скорее, не стилистическими, а скорее содержательными моментами. Определенные темы

⁸⁹ Следует учитывать, конечно, и фактор собеседника-исследователя, носителя русского языка. Это может провоцировать переход на русский, контролирующийся в то же время установкой на говорение именно по-цыгански, установкой, определяемой все тем же собеседником.

⁹⁰ Однако иногда создается впечатление, что рассказчику легче говорить по-русски и что он как бы забывает возвращаться на цыганский язык.

⁹¹ Любопытно, что переходы на русский язык фиксируются как таковые слушателями-цыганами и часто следует совет вернуться к рассказу по-цыгански.

вынуждают рассказчика употреблять особенно много русских слов, а это в свою очередь определяет переход на русский язык – об этом *легче* говорить по-русски.

2.2.5. О границе между ПК и СК

1. Теперь стоит вернуться к вопросу, поставленному выше: существует ли принципиальная граница между случаями смешения кодов и случаями перехода с одного языка на другой внутри текста (переключение кодов). Как представляется, в нашем случае можно хотя бы попытаться, исходя из сказанного выше, формально разграничить эти явления.

Поскольку явления типа СК свойственны лишь цыганской речи носителей СРД (говоря по-русски, они как будто бы не используют в своей речи цыганских элементов), необходимо отграничить случаи говорения по-цыгански с включением русских лексических элементов от случаев говорения по-русски.

Предлагается следующий рабочий критерий определения "русского" характера текста и, следовательно, перехода на русский язык.

В речи носителей СРД существуют элементы, как бы маркирующие говорение по-русски. Подобные элементы никогда не употребляются в текстах, по поводу которых у нас есть основания полагать, что они произносятся по-цыгански. В "операциональном" смысле мы можем постулировать, что непосредственно предшествующие и следующие за подобными единицами в пределах одного предложения слова не могут оба быть цыганскими.

Я исхожу при этом из допущения, вытекающего из исходных положений, что не может быть случаев классического переключения кодов, ограничивающихся одним словом, если оно не представляет отдельного высказывания.

Прежде всего такими элементами являются русские существительные в косвенных падежах в русском же грамматическом оформлении. Выше было сказано, что русские существительные практически всегда употребляются в СРД в косвенных падежах только в цыганском грамматическом оформлении. Исключением являются некоторые наречные и предложные сочетания, представляющие собой лексикализованные конструкции:

(40) *со временем, рано утром,*

употребление косвенных падежных форм русских существительных в наречном значении:

(41) *рундя голосом*

«зарыдал в голос»,

а также случаи употребления существительных с русскими числительными:

(42) *ев доджиндя до сто лет.*

«он дожил до ста лет»

Для существительных в прямом падеже иногда невозможно определить, "адаптированы" они или нет – это относится, прежде всего к русским существительным женского рода с неконечным ударением (типа *дорога*): "адаптационное" окончание совпадает с русским и перетяжка ударения не происходит.

Если же мы встречаем в речи носителей СРД формы русских существительных в русском же косвенно-падежном оформлении, у нас есть все основания подозревать, что данный кусок текста представляет собой фрагмент, произнесенный по-русски. Действительно, в записанных нами текстах практически нет случаев, когда русская косвенно-падежная форма была бы окружена цыганскими лексическими элементами.

Подобного же рода индикаторами русского характера текста являются русские личные местоимения, формы русского бытийного глагола, а также русские прилагательные, оформленные русскими грамматическими окончаниями.

Существуют, однако, русские элементы, употребление которых в речи цыган не свидетельствуют о переключении кодов: они либо употребляются в отношениях свободного варьирования со своими "цыганизированными"/цыганскими вариантами, либо просто не имеют цыганских эквивалентов. К таким элементам относятся:

1) уже обсуждавшиеся выше неадаптированные русские глагольные формы. Как уже было указано выше, русские глаголы могут употребляться и в адаптированной форме, однако случаи неадаптированного употребления преобладают практически у всех информантов. Любопытно, что в текстах, записанных у самого старого информанта – 90-летней цыганки (Л.М.Лобановой), количество употреблений адаптированных глагольных форм выше, чем у других членов ее семейства (см. ниже о возможности выделения в цыганских диалектах разных регистров или стилей). В то же время возможно, что употребление адаптированных/неадаптированных

форм зависит от индивидуальных лексических характеристик глаголов. Любой глагол может быть в принципе употреблен как в адаптированной, так и в неадаптированной форме, однако есть глаголы, частотность адаптированного употребления которых выше, чем у других.

Так, относительно часто употребляются в адаптированной форме глаголы *тэ ходинэс* «ходить», *тэ думинэс* «думать», *тэ стукинэс* «стучать». Любопытно, что глагол *тэ думинэс* тяготеет к употреблению в адаптированной форме уже в текстах, записанных В.Н.Добровольским.

2) То в адаптированной, то в неадаптированной форме употребляются в текстах наречия, образованные от прилагательных: см. *быстро* – *быстрэс*, какой-либо закономерности в распределении данных форм установить не удалось.

3) Достаточно сложные отношения вариативности существуют в СРД между цыганскими и русскими служебными словами. Так, некоторые союзы употребляются преимущественно в "русском варианте" – это относится прежде всего к союзу *и*, его цыганский эквивалент *тэ* редок и, как кажется, употребляется лишь в речи информантов старшего поколения. Несколько иные отношения существуют в паре союзов *где* – *кай*: используются обе формы. Достаточно последовательно употребляется союз *со* "что", вместе с тем, сложный союз *потому что* употребляется в "русской форме". Встречаются в наших текстах и употребления формы *что* в цыганском контексте. Множество союзов употребляются только в их "русском" варианте (например, союз *когда*). Впрочем, надо отметить, что проблема параллельного употребления исконно цыганских и русских служебных слов неотделима от более широкой проблемы параллельного употребления цыганской и русской лексики вообще.

Следует понимать, что приведенные критерии имеют односторонний характер: на их основании мы можем в ряде случаев выделить фрагменты текста, произнесенные по-русски, и, следовательно, постулировать ПК. К сожалению, четких критериев определения цыганского характера текста с СК, по всей видимости, нет.

2. Интересно, что ситуация с явлениями смешения кодов в современном СРД весьма близка состоянию, отраженному в сборнике Добровольского:

(40) *мы думали, со рашай, ажно козло* (Добровольский 1908: 5)

«мы думали, что это поп, а это козел»

Имеются, однако, и некоторые различия. Так, русские существительные и прилагательные употребляются в текстах Добровольского практически всегда в адаптированной форме. Что касается глаголов, то соотношение употребления адаптированных и неадаптированных форм русских глаголов несколько отличается от того, что мы видим в современных текстах. В прозаических текстах книги Добровольского на примерно 80 случаев адаптированного употребления приходится 70 случаев неадаптированного. Одни и те же русские глаголы употребляются у Добровольского то в адаптированной, то в неадаптированной форме. Тем не менее, некоторые глаголы демонстрируют тенденцию к употреблению в адаптированной форме (например, уже упоминавшийся выше глагол *тэ думинэс*), тогда как другие практически всегда выступают в неадаптированном виде (например, *мочь* и другие модальные и полуслужебные глаголы).

Интересно, что в прозаических текстах Добровольского практически отсутствуют случаи переключения кодов, несмотря на то, что в жанровом отношении многие из этих текстов достаточно близки записанным нами. Любопытно, однако, что два случая CS, все же зафиксированные у Добровольского, происходят также на стыке речи рассказчика и прямой речи персонажа:

(41) *Лыя тэ щупинэ. "Щупинэ сыгыдыр, – кричит на засеках сядя. – Да у буе да гажес"* (Добровольский 1908: 64)

«Начал щупать. "Щупай скорей, – кричит, сидя на засеках. – Черт бы подрал этого мужика"».

Переходом на русский язык маркируется речь рассказчика.

3. Таким образом, как представляется, носитель языка всегда знает, на каком именно языке он говорит. Для большого количества случаев существует и формальная возможность разграничить говорение по-русски и по-цыгански. Этому не препятствует тот факт, что существуют конкретные фрагменты текстов, порожденных носителями СРД, относительно которых мы не можем достоверно сказать, идет ли речь о говорении по-цыгански или об использовании ПК. Вопрос – не имеющий однозначного решения – заключается в том, представляют ли собой явления ПК и СК в СРД континуум с переходной зоной или невозможность установить границу между этими двумя явлениями объясняется несовершенством исследовательских процедур.

В связи с описанной выше ситуацией естественным образом встает вопрос о том, можем ли мы утверждать, что подобное состояние свойственно СРД в целом, а не какому-то его определенному социальному варианту / регистру?

Практически все информанты, с которыми нам пришлось общаться, используют в своей речи СК. Ситуация в диалекте, описанном Добровольским, свидетельствует о стойкости и своего рода "институционализированности" этого явления. Тем не менее, мы, разумеется, не можем отрицать возможности существования варианта СРД с отсутствием употребления неадаптированных русских заимствований⁹².

Для некоторых цыганских диалектов постулируется наличие двух "стилей" или регистров – "высокого" и "низкого". В частности, такая ситуация приписывается диалекту финских цыган (см. Valtonen 1972). При этом "высокий" стиль представляет собой языковое состояние, близкое к "традиционным" цыганским диалектам, в то время как понятие "низкий стиль" "относится к более современному, грамматически упрощенному цыганскому, в сильной степени испытавшему влияние финского" (Vuorela, Borin 1994: 10-11). Отмечается, однако, что эти языковые формы представляют собой скорее языковой континуум и употребление более или менее интерферированного варианта зависит от индивидуальных характеристик носителя языка, прежде всего – возраста (Vuorela, Borin 1994: 11).

Не исключено, что СРД также представляет собой своего рода континуум. На это указывает то, что, несмотря на полное отсутствие среди наших записей текстов *без* случаев СК, количество употреблений неадаптированных русских лексем достаточно сильно

92

Образцом такого варианта является достаточно искусственный "литературный цыганский язык", созданный в Советском Союзе на базе СРД в 20-е годы. Любопытно, однако, что в написанных на этом языке пьесах И.Рома-Лебедева, то есть в жанре, в наибольшей степени ориентированном на живую речь, случаи СМ присутствуют:

Гадженирэ буту кэрна, косят, жнут... (Ром-Лебедев 1931: 29)

Нецыганскую работу делают, ...

Неадаптированные русские глагольные формы употребляются здесь в случае русских глаголов, заведомо малоупотребительных у цыган.

колеблется в зависимости от информанта⁹³ и характера текста. К сожалению, нашего материала явно недостаточно для того, чтобы сделать какие-либо статистически обоснованные выводы.

4. В связи с проблемой соотношения ПК и СК возникает еще один вопрос: нельзя ли случаи СК, подобные тем, которые мы находим в СРД, описывать с помощью вариационистской модели В.Лабова. Было бы интересно в этой связи провести подробное социолингвистическое и лингвистическое исследование СРД и посмотреть, каким именно образом возможные кандидаты на роль языковых переменных (и в том числе использование неадаптированных русских лексем / адаптированных заимствований (?)/ собственно цыганских слов) варьируют в зависимости от социальных характеристик информантов и различных ситуаций общения.

Такое исследование, возможно, помогло бы более точно ответить на вопрос, обладают ли психолингвистической реальностью, с одной стороны, модель переключения кодов, предполагающая двуязычие индивида и использование им двух языковых систем "попеременно", и, с другой, модель Лабова, рассматривающая одноязычного индивида, использующего в своей речи переменные правила (см. Лабов 1975). Первая модель в таком случае соответствовала бы "переключению кодов", а вторая "смешению кодов". Можно предположить также, что конкретный носитель языка может использовать в своей речевой деятельности обе стратегии.

Вместе с тем, необходимо отметить, что применение вариационистской модели к ситуациям ПК сталкивается с определенными трудностями (см. также Muysken 2000: 123-127). Прежде всего они заключаются в обстоятельстве теоретического порядка: модель Лабова исходит все же из представления об одном коде, само понятие СК предполагает наличие двух кодов, к которым носитель языка, использующий в своей речи СК, имеет, по всей видимости, *одновременный доступ* (термин П.Мэйскена). Языковая переменная может, таким образом, представлять собой единицы типа *псирлас /ходинэ/ ходит*⁹⁴.

⁹³ Так случаев СМ явно меньше в текстах нашего старейшего информанта, уже упоминавшейся Л.М.Лобановой.

⁹⁴ Как кажется, применение вариационистской модели в СРД могло бы дать определенную пользу при исследовании фонетической адаптации русских элементов. В данной работе я не затрагивал проблем фонетической

5. Как уже говорилось выше, проблема отграничения СК от заимствований представляет достаточно серьезные трудности. К.Майерс-Скоттон, не отрицая существенную разницу этих явлений с точки зрения истории языка, предлагает отказаться от их различения при синхронном рассмотрении языкового материала (Myers-Scotton 2002).

Наш материал, как кажется, позволяет ставить вопрос о том, нельзя ли трактовать по крайней мере некоторые из адаптированных русских глаголов (*тэ ходинэс, тэ думинэс, тэ стукинэс* и др.) как относительно старые заимствования, закрепившиеся в цыганском лексиконе. Интересно, что глагол *тэ ходинэс*, часто употребляющийся в адаптированной форме, образует определенную квазиаспектуальную пару с цыганским глаголом *тэ джяс* "идти", пару абсолютно аналогичную паре русских глаголов *идти - ходить*, противопоставленную по признаку однонаправленности – неоднаправленности.

Другими претендентами на роль заимствований имеют русские служебные слова, не имеющие употребительных цыганских эквивалентов (типа союза *когда*).

6. Ситуация с СК в СРД, описанная выше, представляет собой яркий пример «немотивированного переключения кодов». Однако, сравнение ее с другими сходными ситуациями (франко-волоф – Swigart 1992, русско-карельского – Sarhimaа 1999, см. также Головки 2001) показывает, что как будто бы в СРД существует несколько более дифференцированная система употребления и оформления русских по своему происхождению элементов. По всей видимости, дело в определенных установках говорящих: хотя ситуация СК в СРД является узуальной и в известной мере институционализированной, все же маркером этнической идентичности для носителей СРД является именно *цыганский язык*, противопоставленный нецыганскому (языку *гадже*). Металингвистические высказывания носителей диалекта ясно показывают, что внедрение «русских слов» воспринимается как

интерференции в СРД, между тем здесь имеется ряд довольно любопытных моментов. Один из них заключается в том, что при почти полной «русификации» сегментной фонетики и набора фонем СРД сохранил определенные особенности фонемной дистрибуции (отсутствие смягчения перед /e/, отсутствие редукции /o/, /a/ и др. Эти синтагматические правила по-разному распространяются на русские лексемы, употребляемые в рамках ПК и СК.

своего рода *неизбежное, исторически обусловленное зло*,⁹⁵ не меняющее, тем не менее, сложившиеся этнические противопоставления.

Надо заметить, что явление СК в той или иной степени встречается в большинстве цыганских диалектов, хотя его уровень довольно сильно варьирует. Часто по текстам довольно трудно судить о подлинных масштабах СК: в большинстве цыганских диалектов отсутствует неадаптированное употребление иноязычной лексики, а адаптация как бы маскирует СК, делая его неотличимым от заимствования. Мы, тем не менее, пытались показать, что сам факт адаптации еще ничего не говорит о том, является ли данная лексема заимствованием, вошедшим в лексикон (конкретного индивида или в относительно институционализированный лексикон данного социума), или принадлежит к явлениям СК. Так, судя по всему, неадаптированный глагол *ездить* по своим параметрам в СРД приближается к заимствованиям.

2.3. Экскурс: смешанные языки

В последнее десятилетие изучение смешанных языков⁹⁶ перешло от стадии удивления перед курьезным явлением, не укладывающимся в привычные научные схемы, к фазе серьезного научного изучения, в фокусе которого оказываются естественным образом прежде всего вопросы их происхождения (см. Bakker & Mous 1994; Thomason 1997 и др.). Одна из самых разработанных теорий происхождения смешанных языков – Matrix Language Turnover Hypothesis К.Майерс-Скоттон – рассматривает переключение кодов как главную предпосылку образования смешанных языков (Myers-Scotton 1998). Поскольку рассмотрение проблематики смешанных языков выходит за пределы нашей задачи, заметим лишь следующее.

⁹⁵ О топике подобного рода метаязыковых рефлексий см., например, Tzitzipis, 1998.

⁹⁶ Языков, в которых разные *материально выраженные* компоненты лексикона и грамматики (или лексикон и грамматика в целом) происходят из генетически разных источников. Одним из ярких примеров смешанных языков являются так называемые «парацыганские» диалекты, «перешедшие» на грамматику окружающего населения. О «парацыганских» диалектах см.: Bakker & van der Voort 1991; Boretzky & Iglá 1994; Matras 2001; Rusakov 1991; Русаков 1987; о смешанных языках вообще: Bakker & Mous 1994; Myers-Scotton 2002 и др.

Можно считать очевидным, что известные науке «классические» смешанные языки возникли разными путями (из последних работ см. Croft 2001). Однако у всех предложенных моделей объяснения происхождения смешанных языков есть нечто общее: они правдоподобно объясняют исходную ситуацию их возникновения, показывают, что достаточно хорошо понимаемые и изученные явления и ситуации (интенсивная интерференция, немотивированное смещение кодов, разрыв между поколениями, резкий переход на другой язык при неполном его усвоении и др.) с большой долей вероятности должны маркировать этап, непосредственно предшествующий возникновению данного смешанного языка. Однако показать «механизм» этого последнего шага, продемонстрировать, как «технически» возник язык алеутов острова Медный, мичиф или англо-романи как правило не удастся. Собственно говоря, необходимо объяснить, каким образом имевшая место вариативность (по крайней мере для объяснений, включающих в сценарий ситуацию с интенсивным переключением/смещением кодов, см. об этом Головки 2001: 310) уступила место системной закреплённости и социальной институционализированности языкового состояния, которое мы имеем на выходе. К сожалению, для наиболее ярких примеров смешанных языков мы не можем наблюдать переходные стадии. Развитие их шло, по всей видимости, в каждом отдельном случае своим особым путем. В этой связи перспективным представляется выдвинутое Е.В.Головки положение о вероятной высокой роли осознанного отношения носителей к языку при образовании смешанных языков (см. Головки 2001: 313). Впрочем, и тут необходимо еще много сделать, чтобы показать, как это «почти сознательное манипулирование языковыми средствами» (там же: 313) могло привести к образованию конкретных смешанных языков в том виде, в каком они засвидетельствованы..

Говоря о смешанных цыганских диалектах, необходимо указать на следующие моменты:

1. У нас нет *абсолютно надежных* примеров языковых состояний, промежуточных между сильно интерферированными диалектами, демонстрирующими СК, и "парацыганскими" диалектами. Ситуация с диалектами, подобными диалекту финских цыган, показывает, что постепенный переход от просто сильно интерферированного диалекта к диалекту, полностью теряющему "исконный" грамматический компонент, теоретически возможен. Не

исключено, что подобная же ситуация имела место в английском цыганском XIX века. Однако сам момент перехода «поймать» не удается.

2. У.Крофт совершенно прав, относя парацыганские диалекты к типу *death by borrowing*, то есть к ситуации, при которой произошла смена языковой доминанции и язык испытывает все большее и большее интерференционное воздействие, продолжая в то же время сохраняться (Croft 2001б). В этом отношении диалекты типа СРД и смешанные диалекты можно рассматривать как звенья одного процесса.

Языковая система СРД становится все более похожей на русскую (хотя процесс этот, как было показано выше, реально проявляется в конкуренции старых элементов и элементов, индуцированных интерференцией). Устанавливается полная эквивалентность цыганских и русских средств выражения грамматических значений. Можно представить себе, что в других цыганских диалектах достигнутая эквивалентность между цыганскими и нецыганскими грамматическими элементами могла привести на определенном этапе развития диалекта к допущению их вариативного употребления в цыганских текстах. Затем цыганские средства грамматического выражения были вытеснены нецыганскими.

3. Это вытеснение должно сопровождаться, однако, какой-то совершенно особой социолингвистической ситуацией. Причины сохранения языка в случае парацыганских диалектов в целом ясны: цыганскому этносу вообще свойственно обостренное отношение к языку как фактору этнической самоидентификации. Продолжает оставаться неясным, почему ряд цыганских диалектов стал развиваться особым образом. В целом мы можем констатировать, что в случае парацыганских диалектов мы имеем дело с ситуацией своего рода приостановленной языковой смерти (о проблемах «языковой смерти» и языкового сдвига см. Вахтин 2001).

3. Интерференция и переключение кодов. Некоторые выводы

Итак, мы рассмотрели – в определенном теоретическом контексте – явления интерференции и переключения кодов в

цыганском диалекте, находящемся под сильным контактным влиянием русского языка.

Возвращаясь к проблеме, вынесенной в самое начало доклада, можно сформулировать несколько положений, представляющих собой обобщение вышесказанного.

1. Ситуация в СРД представляет собой яркий пример одного из двух контактных сценариев, выделенных С.Томасон и Т. Кауфманом, – сохранение языка. СРД продолжает оставаться первым языком цыганских детей. При этом доминирующим языком является русский, во взаимоотношении двух языков произошел «функциональный переворот» (functional turnover – термин Я.Матраса, Matras 2000).⁹⁷

2. Носители СРД свободно говорят по-русски, говорят на нем с окружающим населением. Функциональная ограниченность СРД приводит к тому, что говорение по-русски проникает во внутригрупповое общение, возникают явления ПК и СК⁹⁸, усиливается интерференционное воздействие русского на СРД.

В условиях все большей и большей доминанции русского языка при стойкой коммуникативно-прагматической потребности в сохранении цыганского языка как средства общения усиливается своего рода двойственная роль русской языковой системы по отношению к цыганской. С одной стороны, русские языковые компоненты, внедряясь в систему диалекта, способствуют усилению процессов «распада языка» (language attrition) и уменьшению собственных языковых потенциалов СРД. С другой стороны, наличие доминирующего русского языка парадоксальным образом усиливает жизнеспособность СРД. Русский язык является своего рода неисчерпаемым резервуаром, из которого диалект может черпать и черпает элементы разных языковых уровней.

Это могут быть лексические элементы, и тогда мы имеем СК и – в случае, если эти элементы становятся единственным возможным

⁹⁷ Другое дело, что, возможно, конкретно-исторически этот «переворот» мог быть как бы подготовлен предшествующими контактами предков СРД с носителями других языков.

⁹⁸ Надо заметить, что в отличие от многих других миноритарных групп, для цыганского значительно меньшую роль в распространении окружающего языка как средства внутригруппового общения играют моменты, связанные с взаимоотношением представителей разных поколений (о проблематике, связанной с взаимоотношением поколений при языковом сдвиге, см. Вахтин 2001).

средством выражения, – заимствования. Это могут быть куски текста, большие чем слово, и тогда мы имеем дело с немотивированным ПК. Наконец, русский язык предоставляет возможность для калькирования разнообразных лексических и грамматических конструкций. В этом случае мы получаем то, что принято называть интерференционными явлениями.

Важным моментом, облегчающим и интерференцию, и ПК, является, по-видимому, возможность «одновременного доступа» носителей СРД к двум языкам, по крайней мере – в процессе говорения по-цыгански.

3. В результате действия интерференционных процессов грамматическая система СРД в высокой степени уподобилась русской, возникла ситуация, сильно облегчающая смешение кодов, поскольку русские лексические элементы свободно вставляются в грамматическую рамку, структурно очень близкую русской («конгруэнтная лексикализация» по П.Мэйсену). Таким образом, результаты интерференции, несомненно, облегчают действия процессов СК, устраняя возможные грамматические ограничения, столь характерные для разнообразных ситуаций ПК и СК. Возможно, в психолингвистическом плане этот одновременный доступ является следствием использования «билингвального способа» производства речи (Grosjean 1995).

4. Что касается влияния ПК и СК на процессы и результаты интерференции, то тут надо отметить следующее:

– При ПК, а судя по всему, и при СК, необязательна сильная доминанция одного из языков, являющаяся практически необходимым условием интерференционных процессов, по крайней мере, высокого уровня. Языки при ПК могут быть достаточно равноправны (см. Myers-Scotton 2003: 149).

– По-видимому, существуют ситуации, характеризующиеся сильной интерференцией без СК. См. в этой связи, например, ситуацию в арванитике, чрезвычайно сильно интерферируемом диалекте греческих албанцев, речь которых (судя по опубликованным текстам) характеризуется отсутствием СК и наличием ПК только на границах предложений (Tzitzipis 1998).⁹⁹ В целом сильное

⁹⁹ В этой связи можно указать на то, что интерференционные явления типа семантического сдвига и калькирования характерны для процессов освоения второго языка в школьных условиях, тогда как явления типа ПК и СК для этих процессов нетипичны.

разрушение (attrition) и сужение функций родного языка как будто бы блокирует переключение кодов: для последнего, по всей видимости, необходимо, чтобы оба языка использовались достаточно широко.

– Однако когда процессы ПК и СК все же имеют место, они могут влиять на процессы интерференции. В этом смысле важно положение П.Мэйскена, указывавшего на то, что на внедрение иноязычной лексики в систему языка могут оказывать влияние не только процессы «включения», но и процессы альтернации; с их помощью в язык может попадать служебная лексика: союзы, частицы и пр. (Muysken 2000). Это может объяснять появление в СРД дублетов собственно цыганских и русских союзов типа *со / что*. Отождествление союзов привело к калькированию конструкций, а ПК альтернативного типа могло иметь следствием проникновение в диалект русских дублетов уже существующих предлогов.

– Все это позволяет сделать вывод о том, что процессы ПК и СК не являются обязательным условием для сильной интерференции – все зависит от конкретных сценариев интерференционного развития. Явления ПК и СК характерны более для ситуации сохранения языка (с сильной доминацией «второго» языка), чем для ситуации языкового сдвига с интерференционными изменениями. Вообще, для характера протекания процессов ПК, и еще более для СК, чрезвычайно важна *установка* носителей языка (см. Головки 2001). По всей видимости, в отличие от интерференции, ПК и СК представляют собой, по крайней мере отчасти, *контролируемый процесс*¹⁰⁰.

Литература

- Бурлак, С.А., Старостин, С.А. 2001. Введение в лингвистическую компаративистику. М.: Эдиториал УРСС.
- Вайнрайх, У. 1979. Языковые контакты. Киев.
- Вахтин, Н.Б. 2001. Языки народов Севера в XX веке. СПб.

¹⁰⁰ Это не значит, конечно, что в момент речи носители всегда способны контролировать в этом плане свою речевую продукцию, они могут просто следовать узусу, сложившемуся в данном языковом сообществе.

- Вентцель, Т.В. 1964. Цыганский язык (севернорусский диалект). М.
- Вентцель, Т.В., Черенков, Л.Н.. 1976. Диалекты цыганского языка // Языки Азии и Африки. Т.1, М.
- Верещагин, Е.М. 1965. К вопросу разноязычного оформления используемой лексики в речевых произведениях билингов // Вопросы общего и романо-германского языкознания. тезисы докладов. Вып. 1. Уфа.
- Володин, А.П.1994. О влиянии русского языка на ительменский // Russian Linguistics, 18. P. 323-340.
- Головко, Е.В. 1997. Медновских алеутов язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1977. С. 117-125.
- Головко, Е.В. 2001. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып.1, СПб. С. 298-316.
- Груздева, Е.Ю. Без даты. О грамматической интерференции в условиях нивхско-русского двуязычия. Рукопись. Л.
- Десницкая, А.В. 1979. О современной теории балканистических исследований // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л. С. 3-15.
- Добровольский, В.Н. 1908. Киселевские цыгане. СПб.
- Елоева, Ф.А., Русаков, А.Ю. 1990. Проблемы языковой интерференции (Цыганские диалекты Европы). Л.
- Зализняк, А.А. 2002. Русское именное словоизменение. М.
- Зограф, Г.А. 1976. Морфологический строй новых индоарийских языков. Л.
- Казанский, Н.Н. 2001. Code slicing («Расслоение языкового кода» как поэтический прием) // Res Philologica II. Филологические исследования. СПб. С. 125-139.
- Лабов, У. 1975. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып.7, Социоллингвистика. М. С.96-181.
- Лисицкая, Е.П. 2003. Интерференция и переключение кодов в диалекте приазовских греков. Дипломная работа. СПб.
- Лопашов, Ю.А. 1978. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л.
- Нарумов, Б.П. 2001. Истрорумынский язык/диалект // Языки мира. Романские языки. М. С. 656-670.
- Николаев, И.С. 2002. Отмирание языка (на материале сойкинского диалекта ижорского языка). Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук.
- Перехвальская, Е.В. 1987. К проблеме слов с двойной этимологией // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР. М.
- Плунгян, В.А. 2000. Общая морфология: Введение в проблематику. М.
- Плунгян, В.А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики 1. Глагольные категории. М. С. 50-88

- Ром-Лебедев, И. 1931. Кхам дро блато. Москва.
- Русаков, А.Ю. 1987. К вопросу о "переходе" на чужую грамматику // Возникновение и функционирование контактных языков. М.: «Наука». С. 76-80.
- Русаков, А.Ю. 1992. Императив в севернорусском диалекте цыганского языка // Типология императивных конструкций. СПб.: «Наука». С. 152-160.
- Русаков, А.Ю. 1998а. К вопросу о классификации цыганских диалектов Европы // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы второго рабочего совещания. СПб.: ИЛИ РАН. С. 49-58.
- Русаков, А.Ю. 1998б. Севернорусский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб.: ИЛИ РАН. С. 162-191.
- Русаков, А.Ю. 1999а. Рецензия на книгу: Ya. Matras (ed.). Romani in contact. John Benjamins. 1995 // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы третьего рабочего совещания. СПб. С. 108-116.
- Русаков, А.Ю. 1999б. Об одном случае русско-цыганского интерференционного воздействия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – III. СПб: «Наука». С. 72-74.
- Русаков, А.Ю. 2000а. Севернорусский диалект цыганского языка: «заимствование» русских префиксов // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Балканские исследования. СПб. С.16-25
- Русаков, А.Ю. 2000б. В.М.Жирмунский, грамматикализация, балканистика // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В.М.Жирмунского. СПб.: «Наука». С. 184-188.
- Русаков, А.Ю. 2002. Посессивные конструкции албанского языка в типологическом освещении // Третья зимняя типологическая школа, 29 января – 6 февраля 2002 г. Материалы лекций и семинаров. М. С. 233-234.
- Русаков, А.Ю. 2003. О межъязыковом отождествлении грамматических категорий // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. СПб.: «Наука». С.129-134.
- Русаков, А.Ю. 2004. Албанский язык в ареально-типологической перспективе // International Symposium "The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations". Proceedings. Kazan. P. 205-208.
- Смирницкая, С.В., Баротов, М.А. 1997. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб.
- Соболев, А.Н.1990. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон. Београд.

- Соболев, А.Н. 1991. Категория падежа на периферии балканославянского ареала. Нови Сад.
- Сытов, А.П. 1979. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л. С. 90-124.
- Фридман, В. 1997. Цыганский язык и проблемы балканского языкового союза. 1 // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов Филологического факультета СПбГУ. Вып. 3, Балканские чтения. СПб. С. 53-60.
- Цивьян, Т.В. 1965. Имя существительное в балканских языках. М.
- Цивьян, Т.В. 1979. Синтаксическая структура балканского языкового союза.
- Эдельман, Д.И. 1999. К становлению языковых «балканизмов» вне Балкан // В поисках «балканского» на Балканах. М. С. 59-60.
- Appel, R. & Muysken, P. 1987. Language contact and bilingualism. London.
- Aristar, A. 1991. On diachronic sources and synchronic patterns: an investigation into the origin of linguistic universals. *Language*, 67. P. 1-33.
- Auer, P. 1998. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. [Interaction and Linguistic Structures 6]. Fachgruppe Sprachwissenschaft. Universität Konstanz.
- Bakker, P. 1997. Athematic morphology in Romani: The borrowing of a borrowing pattern // Yaron Matras, Peter Bakker and Hristo Kyuchukov (eds.). 1997. The typology and Dialectology of Romani (= Current Issues in Linguistic Theory, 156). Amsterdam: Benjamins. P. 1-22.
- Bakker, Peter. 1999. The Northern branch of Romani: Mixed and non-mixed varieties. In: Halwachs, Dieter W. & Menz, Florian (eds.). Die Sprache der Roma. Perspektiven der Romani-Forschung in Österreich im interdisziplinären und internationalen Kontext. Klagenfurt: Drava. P. 172-209.
- Bakker, Peter & Marcel Cortiade (eds.). 1991. In the margin of Romani. Gypsy languages in contact. Amsterdam: Institute for General Linguistics.
- Bakker, P. & Mous, M. (eds.). 1994. Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining. Amsterdam: IFOTT.
- Bakker, Peter & Hein van der Voort. 1991. Para-Romani languages: an overview and some speculations on their genesis. In: Bakker & Cortiade (eds.). P. 16-44.
- Barannikov, A.P. 1934. The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects. Leningrad.
- Boretzky, N. 1989. Zum Interferenzverhalten des Romani // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. B., 42, H.3.
- Boretzky, N. 1996a. Entlehnte Wortstellungssyntax im Romani // N. Boretzky et al. (eds.). Areale, Kontakte, Dialekte. Sprache und ihre Dynamik in mehrsprachigen Situationen. Bochum. S. 95-119.

- Boretzky, Norbert. 1996. Zur Entlehnung von Funktionswörtern im Romani. *Linguistique Balkanique* XXXVIII, 2. S. 111-125.
- Boretzky, N. 1999. Grammatical Interference in Romani: Loan Formations for Foreign Categories. *Acta Linguistica Hungarica*, Vol. 46 (3-4). P.169-200.
- Boretzky, N. 2000. The definite article in Romani dialects // V.Elšik & Ya. Matras (eds.). *Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. P. 31-63.
- Boretzky, N., Iгла, B. 1991. Morphologische Entlehnung in den Romani-Dialekten (Arbeitspapiere des Projektes "Prinzipien des Sprachwandels", Nr.4). Essen.
- Boretzky, Norbert & Iгла, Birgit. 1994. Romani Mixed Dialects. In: Bakker & Mous (eds). P. 35-68.
- Bybee, J.L. 1985. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam.
- Bybee, J.L. 1988. The diachronic dimension in explanation // J.Hawkins (ed.). *Explaining Language universals*. Oxford. P. 350-379.
- Bybee, J.L., Perkins, R.D., Pagliuca, W. 1994. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago et al.
- Coetsem, F. van. 1988. *Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact*. Dordrecht.
- Cortiade, M. 1992. I Rom in Albania. Un profilo storico e sociale // Lacio Drom, Vol. 28.
- Croft, W. 2000. *Explaining Language Change*. London
- Croft, W. 2001a. *Radical construction grammar. Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Croft, W. 2001b. *Mixed Languages and Acts of Identity: an Evolutionary Approach* // www.lings.ln.man.ac.uk/Info/staff/WAC/
- Çabej, E. 1976. *Studime gjuhësore*. V.3, Prishtinë.
- Bokshi, B. 1984. *Prapavendosja e nyjës në gjuhët ballkanike*. Prishtinë.
- Dahl, Ö. 2001. Grammaticalization and the life cycles of constructions // *RASK – International tidsskrift for sprog og kommunikation*, 14. P. 91-134.
- Dahl, Ö. 2000. The grammar of future time reference in European languages // Dahl O. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin. P. 309-328.
- Dahl, Ö. 2001. Principles of areal typology // M.Haspelmath and al. (eds.). *Language typology and Language Universals*. B.2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P. 1456-1470.
- Dixon, R.M.W. 1997. *The rise and fall of languages*. Cambridge: CUP.
- Dressler, W. 1996. *Language Death* // Singh, Rajendra (ed.). *Towards a Critical Sociolinguistics*. Amsterdam: Benjamins. 195-210.
- Dressler, W. & Merlini Barbaresi, L. 1994. *Morphopragmatics. Diminutives and Intensifiers in Italian, German, and Other Languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

- Dryer, M.S. 1992. Greenbergian Word-Order Correlations // *Language*, 68. P. 81-138.
- Fiedler, W. 1989. Zur Arealtypologie der Futurbildung in den Balkansprachen // *Linguistische Studien*. B.92. Reihe A. S. 70-109.
- Friedman, V. 1985. Balkan Romani Modality and Other Balkan Languages // *Folia Slavica*, V.7, N 3.
- Friedman, V. 1994. Variation and grammaticalization in the development of Balkanisms // Katherine Beals et al. (eds.). *Papers from the 30th Regional Meeting of the CLS*, Vol. 2. Chicago: CLS. P. 101-115.
- Grosjean, F. 1995. A psycholinguistic approach to codeswitching // Milroy L. & Muysken P. (eds.) *One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching*. Cambridge. P. 259-275.
- Halwachs, Dieter & M.Heischenk. 2000. Language change in progress. Paper presented at the 5th international congress on Romani Linguistics.
- Hancock, Ian F. 1988. The development of Romani linguistics // Jazayery, Mohammad Ali & Winter, Werner (eds.). *Languages and Cultures: Studies in Honor of Edgar C. Polome*. Berlin: Mouton de Gruyter. 183-223.
- Harris, A.C. & Campbell, L. 1995. *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge.
- Haspelmath, M. 1998. Does grammaticalization need reanalysis? // *Studies in Language*, vol.22. P. 315-351.
- Haspelmath, M. 2001. The European linguistic Area: Standard Average European // M.Haspelmath and al. (eds.). *Language typology and Language Universals*. B.2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P. 1492-1510.
- Hawkins, J. 1990. A parsing theory of word order universals // *Linguistic Inquiry* 21. P. 223-261.
- Hawkins, J. 1994. *A performance theory of word order and constituency*. Cambridge.
- Hopper, P., Thompson, S. 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, 56. P. 251-299.
- Hopper, P. & Traugott, E. 2003. *Grammaticalization* (2nd Edition). Cambridge.
- Igla, B. 1996. *Das Romani von Aia Varvara: Deskriptive und historisch-vergleichende Darstellung einer Zigeunerndialekts*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Joseph, B. 1998. Diachronic Morphology // Spencer, A. & Zwicky, A. (eds.). *The Handbook of Morphology*. Oxford. P. 351-373.
- Joseph, B. 2000a. Is there Such a Thing as “Grammaticalization”? // *Language Sciences*. Vol.22.
- Joseph, B. 2000b. Is Balkan Comparative Syntax possible? // Rivero, M. & Ralli, A. (eds.). *Balkan Syntax in a Comparative Light*. Oxford.
- Joseph, B. 2000c. Processes of Spread for Syntactic Constructions in the Balkans // Tzitzipis L. & Symeonidis C. (eds.). *Balkan Linguistik: Synchronie und Diachronie*. Thessaloniki. P. 139-150.

- Keesing, R. 1991. Substrates, calquing and grammaticalization in Melanesian Pidgin // Traugott, E. & Heine, B. *Approaches to Grammaticalization*. Amsterdam. Vol.1. P. 315-342.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 2001. "A piece of the cake" and "a cup of tea": Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // Ö. Dahl & M.Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic languages*. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 523-568.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 2003. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Mouton de Gruyter.
- Koptjevskaja-Tamm, M., Wälchli, B. 2001. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // Ö. Dahl & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic languages*. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 615-750.
- Kuzmenko, Ju.K. 2003. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // *Актуальные проблемы балканистики*. СПб.
- Langacker, R. 1977. Syntactic Reanalysis // Li, Ch. (ed.). *Mechanisms of Syntactic Change*. Austin. P. 57-139.
- Lass, R. 1997. *Historical Linguistics and Language Change*. Cambridge.
- Lehmann, Ch. 1995 (1982). *Thoughts on Grammaticalization*. München – Newcastle.
- Lehmann, Ch. 1987. Sprachwandel und Typologie // Boretzky N. et al. *Beiträge zum 3. Essener Kolloquium über Sprachwandel und seine bestimmenden Faktoren*, vom 30.9. - 2.10. 1987. Bochum: N.Brockmeyer. S. 201-225.
- Macalister, R.A.S. 1911. A grammar and Vocabulary of the language of the Nawar of Zutt, the nomad smiths of Palestine. *Journal of the Gypsy Lore Society*, 5. P. 289-305.
- Matras, Yaron. 1996. Prozedurale Fusion: Grammatische Interferenzschichten im Romanes // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 49/1. S. 60-78.
- Matras, Ya. 1997a. The typology of case relations and case layer distribution in Romani // Matras, Ya., Bakker, P. & Kyuchukov, H. (eds.). 1997. *The typology and Dialectology of Romani (Current Issues in Linguistic Theory, 156)*. Amsterdam: Benjamins. P. 61-94.
- Matras, Ya. 1997b. Structural Balkanisms in Romani // N.Reiter (ed.). *Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa*. Wiesbaden: Harrasowitz. P. 195-210.
- Matras Ya. 1998. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics*. Vol. 36, No. 2. P. 281-331.
- Matras, Ya. 2000. *Mixed Languages: A Functional-Communicative Approach // Bilingualism, Language, and Cognition*, 3. P. 79-99.
- Matras, Ya. 2001. *Romani. A Linguistic Introduction*. Manchester.

- Matras, Ya. & Bakker, P. 1997. Preface // Yaron Matras, Peter Bakker and Hristo Kyuchukov (eds.). *The typology and Dialectology of Romani* (Current Issues in Linguistic Theory, 156). Amsterdam: Benjamins. P. VI-XXX.
- Messing, G.M. 1988. *A Glossary of Greek Romany as Spoken in Agia Varvara* (Athens). Ohio.
- Miklosich, Fr. von. 1872-1880. *Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas*. B. I-XII. Wien: Karl Gerold's Sohn.
- Mithun, M. 2004. The potential instability of grammatical relations. Paper presented at the International Symposium "The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations". Kazan.
- Moravcsik, E. 1978. *Language contact* // Greenberg, J. et al. (eds.). *Universals of Human Language*. V. 1 Stanford: SUP. P. 93-123.
- Myers-Scotton, C. 1993a. *Social Motivations for Codeswitching: evidence from Africa*. Oxford.
- Myers-Scotton, C. 1993b. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press.
- Myers-Scotton, C. 1998. A way to dusty death: the Matrix Language turnover hypothesis // Grenoble, Lenore A. & Lindsay J. Whaley (eds.). *Endangered Languages*. Cambridge: CUP. P. 289-316.
- Myers-Scotton, C. 2002. *Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford.
- Muysken, P. 2000. *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge.
- Nichols, J. 1992. *Linguistic diversity in Space and Time*. Chicago: University of Chicago Press.
- Paradis, M. 1996. *Neurologie et linguistique de contact* // H.Goebl et al. (eds.) *Contact Linguistics V.1*. Berlin – New York. P. 57-63.
- Pfaff, C.W. 1979. Constraints on language mixing // *Language*, 55.
- Plank, F. (ed.). 1995. *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. New York – Oxford: Oxford University Press.
- Poplack, Sh. & Meechan, M. 1995. Patterns of language mixture: nominal structure in Wolof-French and Fongbe-French bilingual discourse // Milroy L. & Muysken P. (eds.). *One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching*. Cambridge. P. 199-232.
- Rusakov, A. 1991. On the mixed language origin // Bakker, P. & Cortiade, M. (eds.). *In the margin of Romani. Gypsy languages in contact*. Amsterdam: Institute for General Linguistics.
- Rusakov, A. 2001. The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching // Ö. Dahl & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic languages*. Vol. I. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 313-337.
- Rusakov, A. 2001. Imperative in North Russian Romani dialect // *The Typology of Imperative constructions*. Lincom Europa, 2001. P. 287-299.

- Rusakov, A. 2003. Рецензия на книгу: Myers-Scotton C. (2002). Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford University Press // [http:// www.linguistlist.org](http://www.linguistlist.org)
- Rusakov, A. & Abramenko, O. 1999. North Russian Romani Dialect: Interference in Case System // Grazer Linguistische Studien. B.50. P. 109-133.
- Sarhima, A. 1999. Syntactic Transfer, Contact-Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: focus on Karelian-Russian Language Alternation. Helsinki.
- Smith, N. V. 1981. Consistency, markedness and language change: on the notion “consistent language” // Journal of Linguistics, 17. P. 39-54.
- Smits, C. 1997. Van Coetsem (1998) versus Thomason & Kaufman (1988): a comparison of two models for the study of language contact // The XIII International Conference on Historical Linguistics. Abstract volume. Düsseldorf. P. 166-167.
- Stölting, W. 1966. Das Artikelsystem im Albanischen und Rumanischen // Beiträge zur Südosteuropa Forschung. München, 1966.
- Swigart, L. 1992. Two Codes or one? the insiders’ view and the description of codeswitching in Dakar // Eastman, C.M. (ed.). Codeswitching. Clevedon.
- Thomason, S.G. (ed.). Contact languages: a wider perspective. Amsterdam: John Benjamins. P. 449-468.
- Thomason, S.G., Kaufman, T. 1988. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley.
- Trask, R. L. 1996. Historical Linguistics. London: Arnold.
- Tzitzipis, L.D. 1998. A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift: Arvanitika (Albanian) and Greek in Contact. Oxford: Oxford University Press
- Valtonen, P. 1977. Trends and special traits in Finnish Romani // Studia Orientalia, V.47.
- van der Auwera, J. 1998. Adverbial Constructions in the Languages of Europa. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Vuorela, K., Borin, L. 1994. The Finnish Gypsies and Finnish Romani (ms.).
- Weinreich, U. 1953. Languages in Contact. New York.
- Wilkins, D.P. 1996. Morphology // H.Goebl et al. (eds.). Contact Linguistics V.1. Berlin – New York. P.109-117

<u>Введение.....</u>	<u>4</u>
<u>0. Некоторые предварительные теоретические положения.....</u>	<u>10</u>
<u>0.1. О принципиальном сходстве билингвальной и монолингвальной речевой деятельности.....</u>	<u>10</u>
<u>0.2. Об отличительных особенностях функционирования языка в билингвальной ситуации.....</u>	<u>12</u>

0.3. О соотношении внутриязыкового, типологического и ареального в языковых изменениях.....	13
0.4 Об общих теоретических представлениях, на которых базируется данная работа	16
1. Интерференционные явления в севернорусском диалекте цыганского языка (СРД).....	17
1.1. Об интерференции и переключении кодов: предварительная постановка проблемы.....	17
1.2. О цыганском языке и его диалектах	18
1.2.1. О развитии цыганологии	18
1.2.2. О цыганском языке: общие положения.....	18
1.2.3. О севернорусском диалекте цыганского языка	19
1.3. Об интерференционных явлениях в СРД в сфере грамматики.....	20
1.3.1. О семантическом сдвиге: именная система.....	22
1.3.2. О структурных кальках	31
1.3.3. О заимствовании морфем	33
1.3.4. СРД: имя и глагол (интерференционное влияние)....	43
1.3.5. О контактном воздействии в синтаксисе порядка слов	45
1.3.6. Реанализ, аналогия, грамматикализация, заимствование	47
1.3.7. «Прагматическая» интерференция.....	53
1.3.8. Интерференция в других цыганских диалектах.....	54
1.4. Экскурс: о балканском языковом союзе.....	59
2. О переключении кодов, смешении кодов и заимствованиях: пример СРД.....	66
2.1. О переключении кодов	66
2.2. О смешении кодов и переключении кодов в СРД.....	70
2.2.1. О механизме адаптации заимствований в цыганском вообще и в СРД, в частности.....	70
2.2.2. СРД: имя и глагол (смешение кодов).....	73
2.2.3. О грамматической модели смешения кодов в СРД...78	
2.2.4. О ясных случаях переключения кодов в СРД	80
2.2.5. О границе между ПК и СК	83
2.3. Экскурс: смешанные языки	90

<u>3. Интерференция и переключение кодов. Некоторые выводы.</u>	<u>92</u>
<u>Литература.....</u>	<u>95</u>